

(Не) настоящий
НАСЛЕДНИК

ЛАНА ПИРАТОВА

Наследники

Лана Пиратова

(Не) настоящий наследник

«Автор»

2024

Пиратова Л.

(Не) настоящий наследник / Л. Пиратова — «Автор»,
2024 — (Наследники)

- Зачем ты обманула меня, Катя? – он, наконец, поднимает на меня взгляд и меня пробирает всю до дрожи от холода в его глазах. В них – холод. И ненависть. Догадки пугают меня одна за другой.- Амир... Не дает договорить. Грубо отодвигает меня за плечо и проходит в комнату. Оглядывается.- Где мой сын? - спрашивает, не поворачиваясь ко мне. Я отступаю к стене, а внутри все холодеет от понимания того, что он уже все знает. Несколько лет назад я познакомилась с этим мужчиной, не представляя, в какой водоворот событий буду втянута и какую трагедию мне предстоит пережить из-за этой встречи. И сейчас, спустя годы, он опять хочет сломать мою жизнь и забрать самое дорогое. Но он не знает, какую тайну храню я все эти годы.

Содержание

Глава 1Катя	5
Глава 2Катя	8
Глава 3Катя	11
Глава 4Катя	15
Глава 5Катя	20
Глава 6Катя	24
Глава 7Катя	27
Глава 8Катя	30
Глава 9Катя	33
Глава 10Катя	38
Глава 11Амир	45
Глава 12Амир	50
Г	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

(Не) настоящий наследник

Глава 1Катя

– Смирнова Екатерина Валерьевна? – строгий голос врача заставляет меня сесть на стуле прямо. Он не смотрит на меня, что-то читает в моей карте, поправив очки.

– Да, – отвечаю и откашливаюсь.

– У меня для вас неутешительные новости, – говорит он сухо. – У вашего сына врожденный порок сердца. Он пока останется у нас. Вас мы выпишем сегодня и вы сможете навещать его в установленные часы.

Слова доктора эхом звучат в моей голове.

Что он такое говорит? Какой порок сердца? У меня же здоровый малыш.

– Простите, – говорю чуть слышно. – А вы не путаете? Может, это ошибка? У меня же не было проблем всю беременность. Врач говорила, что ребенок развивается нормально.

– Врачи иногда ошибаются, Екатерина Валерьевна, – вздыхает мужчина и с жалостью смотрит на меня. – Вы пропустили плановое УЗИ. На нем, возможно, все выяснили бы, но... Увы... История не знает сослагательного наклонения. Вам надо научиться жить с этим.

– Но... – мне воздуха не хватает. Дыхание перехватывает. Хватаюсь за сердце. – Это ошибка... какая-то ошибка... – шепчу как в небытие.

– Я понимаю, – вздыхает врач. – Сложно такое принять. Но вы свыкнетесь с этой мыслью. К тому же, при нынешнем уровне медицины проблема вполне решаема. Всего лишь вопрос денег...

Всего лишь...

– Сколько? – шепчу я, вытирая слезы со щеки, хотя уже знаю, что деньги эти мне взять нигде. Но вдруг?

И врач называет такую сумму, что я от бессилия сжимаю кулаки так, что ногти впиваются в кожу. Почти режут ее. Но я не чувствую боли. Вся моя боль сейчас вместе с моим малышом. Вместе с Матвеем.

– Когда нужны деньги? – спрашиваю и сама не узнаю свой голос. Ледяной, неживой какой-то.

– Время еще есть, – задумчиво произносит врач. – Все не так плохо. Но лучше, конечно, не тянуть. У вас есть, где деньги взять?

– Мне надо подумать, – отвечаю, глядя в стену. – Обсудить...

– Понимаю, – кивает врач. – Давайте так. Я буду ждать вас через два дня. Мне нужен будет ответ от вас, готовить Матвея к операции или нет. Все это займет какое-то время. Есть определенные процедуры...

– Я поняла вас. Я пойду, – встаю и ног не чувствую. – Можно к сыну перед уходом?

– Да, конечно. И не забудьте документы забрать на посту у медсестры. Екатерина Валерьевна, – замолкает. Ждет, когда я обернусь. – Через два дня.

Киваю и открываю дверь.

Сначала возвращаюсь в палату. Мне надо прийти в себя. Не хочу, чтобы сын даже через стекло почувствовал, что маме плохо. Нельзя. Ради него я должна быть сильной. Только ради него.

Как же так вышло? Почему никто ничего мне не говорил? Матвей же здоровый! Я всего пару раз держала его в руках, но он здоровый! Может, все же ошибка? Господи, пожалуйста, пусть это будет ошибкой! Пусть!

Заставляю себя успокоиться. Иду к раковине и умываюсь холодной водой. Глаза все равно красные. Смотрю на себя в зеркало. Выгляжу я ужасно. Но мне все равно.

Роды были тяжелыми. Я кое-как отошла от них. Но главное, что Матвей появился на свет. Главное, что с ним все в порядке.

Было...

Опять накатывает. Надо успокоиться, Катя, надо. Ради сына. Надо найти деньги, а для этого нужен холодный разум. Я найду. Я смогу.

У меня просто нет выбора.

Выхожу из палаты и иду к сыну. Он в специальной палате, в кювезе. Меня без проблем пропускают. Я стою рядом со стеклянным куполом и смотрю на своего малыша. Он спит. Глазки закрыты и он лишь подрагивает во сне. Куча трубочек и иголки в хрупком теле.

Господи. Не могу сдержаться и закрываю рот ладонью, чтобы не расплакаться в голос.

За что?

Когда думала, что все страшное уже позади, оно просто ждало, когда я расслаблюсь.

– Вам надо уйти. Время вышло, – вежливо говорит медсестра. – Время посещения ограничено. Вы можете завтра прийти. Не волнуйтесь, мы следим за ним.

– А на руки? Когда я смогу взять его на руки? – так и говорю с ладонью у рта. И опять слезы уже катятся по щекам.

– Не могу вам сказать. Этот вопрос не ко мне. У доктора спросите, – она аккуратно подталкивает меня к выходу.

Придя немного в себя, я возвращаюсь в палату. Собираю вещи и забираю документы у медсестры.

Меня никто не встречает, денег на такси нет. Еду домой на метро.

Своей квартиры у меня нет. Вернее, есть то, что оставил мне отец в наследство.

Мои родители развелись уже давно. Несколько месяцев назад отец умер и оставил свою однушку нам с братом в равных долях. Мама с братом решили, что лучше всего пока сдавать ее. Хоть какой-то доход, учитывая, что брат мой нигде не работает. У меня не было ни сил, ни желания спорить с ними. Беременность протекала нелегко и я старалась по совету врачей не нервничать лишний раз.

К тому же меня вполне устраивала жизнь вместе с мамой. Я уже привыкла к ее упрекам и почти не обращала на них внимания.

Мама как раз дома. Открывает мне дверь и целует.

– Выписали? Ты одна? – внимательно осматривает меня. – Неужели решила сделать, как я говорила? Ну и правильно! Наконец, ты поняла, что...

– Мам, подожди, – говорю я и берусь за живот. Все еще тянет немного. Морщусь. – Пойдем на кухню. Я пить хочу очень. И... у меня есть важный разговор.

Мама хмурится, недовольно осматривает меня и первая идет на кухню. Я – следом.

Сажусь за стол и мама ставит передо мной чашку с чаем с пакетиком. Я почти залпом выпиваю его.

– Ну, – мама стоит, прислонившись к столешнице и сложив руки на груди, – расскажешь? Или опять секреты от матери будут?

– Мам, не надо, не начинай. Мне очень плохо сейчас.

– Болит? Я говорила, что не надо было этого делать! С твоим-то здоровьем! Что врач сказал? Ты помнишь, сколько стоят лекарства? Где мы такие деньги возьмем?

– Мам, – хочется заткнуть уши и не слышать этого. Но я здесь живу. А еще нам нужно поговорить. Это важно для Матвея.

– Мам, мам! Никогда меня не слушаешь! Видишь, к чему это все приводит? Ребенка куда сдала? Подписала все, что надо? Чтобы никаких следов...

– Я никуда его не отдала, – произношу, глядя в чашку. – Мой сын будет жить со мной.

Мама всплескивает руками и смотрит на меня круглыми глазами.

– Вот тебе раз! – восклицает. – И где же он? «Твой сын», – произносит это с издевкой.

– Mam, мне надо поговорить с тобой, – я встаю и подхожу к ней. Пытаюсь ее обнять. Мне так нужно сейчас простое человеческое тепло. Просто необходимо. Но мама холодна. Она стоит, опустив руки. Меня не обнимает. – Mam, – говорю я. – Матвею нужна операция. Срочная. У него порок сердца. Но если сделать операцию...

– Что?! – мама перебивает меня и убирает с себя мои руки. – Порок сердца? Да ты знаешь, что с таким диагнозом не выживают. Ты его в больнице оставила? Пусть там разбираются. Правильно сделала. Тебе свою жизнь устраивать надо. Жизнь не закончилась на этом.

– Мама! Мама! Остановись! Что ты говоришь? – я, все-таки, не выдерживаю. Закрываю ладонями уши и мотаю головой. Немного успокаиваюсь и говорю твердым голосом: – Матвею сделают операции. Он выживет. Шансы очень хорошие.

– Это тебе кто сказал?

– Врач. Но нужна операция. Как можно скорее.

– Ну, ясно. Он тебе и не такое скажет, чтобы денег поиметь! Не лечится такое! Не лечится! Но знаешь, это даже и к лучшему. Всяко лучше, чем в детдоме-то.

– Мама! Перестань! – смотрю на нее в последний раз и убегаю из комнаты.

Закрываюсь у себя. Падаю на кровать и реву. Я уже даже боли в животе не чувствую. Все отошло на второй план. Мне просто плохо. Плохо от одиночества и от бессилия.

Мне нужно поплакать. Одной. Хотя бы одной. Поэтому несколько минут просто лежу, уткнувшись в подушку, и реву.

Что бы кто ни говорил, а Матвей будет жить. И будет жить со мной.

Собираюсь еще раз с духом. Вытираю слезы и выхожу.

Мама все еще на кухне.

– Mam, – говорю и она опять поворачивается ко мне. – Я хочу продать квартиру. Мне нужны деньги.

Глаза мамы становятся круглыми. Она отвечает не сразу.

– Что значит «продать»? – спрашивает холодно. – Ты не одна это решаешь. Это не только твоя квартира.

– Не только. Но доля принадлежит мне. И мне сейчас нужны деньги. Поэтому квартиру надо продать. И я заберу то, что причитается мне. Деньги нужны на операцию и я не могу ждать. И взять мне их больше не откуда.

– А о Коле ты подумала? Там так-то и его доля есть. А обо мне?

– Коля – взрослый мужчина. Еще тридцать два года. Он может работать и так обеспечивать себя, а не за счет сдачи в аренду квартиры.

– Как ты заговорила! – мама упирается руками в бока. Строго смотрит на меня. – Ты прекрасно знаешь, что Коля никак не может найти работу!

– Или не хочет?

– Катя!

– Mam, я правда очень устало, – вздыхаю, опираясь о стену. – Роды были тяжелые. Я не спала почти двое суток. А потом еще эта новость... Поэтому спорить у меня сил нет. Прости. Просто примите с Колей тот факт, что долю свою я буду продавать. Мне нужны деньги. Ради себя я никогда этого не сделала бы. Но речь идет о моем сыне.

– Не называй так это отродье!

Бросаю на нее злой взгляд. Всякому терпению приходит конец.

– Никогда не называй так моего сына, – цежу я. – Слышишь? Никогда.

Разворачиваюсь, чтобы уйти к себе. Закрыться там и остаться наедине. И слышу в спину:

– Если ты продашь свою долю, то можешь выметаться отсюда. У тебя будут деньги, чтобы снять жилье. А нам придется сдать твою комнату, чтобы хоть на что-то жить!

Ничего не отвечаю. Лишь душу подступающие слезы. И буквально бегу к себе.

Глава 2Катя

Весь вечер я провожу у себя в комнате. Но прислушиваюсь. К счастью, Коля сегодня ночевать не приходит, а то он бы точно устроил мне скандал, если бы узнал от мамы, что я решила продать свою долю в нашей общей квартире.

Нет, мама и Коля хорошие и я их люблю. И они меня любят. Я уверена в этом. Но последние события... Конечно, в этом есть и моя вина. Только моя.

Я опять вспоминаю все, что произошло со мной за этот год. Вспоминаю и слезы катятся по щекам.

Но я должна быть сильной. Сейчас не время жалеть себя. Сейчас во мне нуждается мой сын. Он нужен мне.

Я все боюсь, что мама решит прийти ко мне и поговорить. Боюсь или жду? Боюсь, что опять будет ругань, обвинения. И жду... жду, потому что она моя мама, а мне сейчас так необходима поддержка.

Да, мне плохо. Очень плохо. Потому что вся эта ситуация с Матвеем... Мне не с кем поделиться.

Но мама не приходит. Может, это и к лучшему.

На следующее утро, когда я выхожу из комнаты, дома уже никого нет. Поэтому я спокойно завтракаю и еду в больницу. К Матвею.

Я могу навещать его в строго определенные часы, зато каждый день.

Проведя несколько драгоценных минут рядом с Матвеем, выхожу в коридор.

Так тяжело возвращаться домой. И не охота. Сажусь на стул у стены, откидываю голову назад и закрываю глаза.

Когда моя жизнь стала такой? С какого момента?

Каждый день приносит все новые и новые проблемы.

– Екатерина Валерьевна? – меня отвлекает от мыслей голос врача. Я легко узнаю его.

Открываю глаза и встаю.

– Хорошо, что я вас застал, – непривычно улыбается он.

– Что? Что-то с Матвеем? – в голову лезут нехорошие мысли. – Что-то случилось?

– Не волнуйтесь, – он проводит рукой мне по плечу. – Пройдемте в кабинет? Мне надо с вами кое-что обсудить.

– Это... Матвей? Да? – допытываюсь я, пока мы идем к двери его кабинета.

– Присаживайтесь. Чаю хотите? – врач непривычно мягок. Это еще больше настораживает меня. Значит, хочет сообщить плохую весть? – Да, не волнуйтесь вы так, – даже улыбается.

– У меня для вас, можно сказать, хорошие новости.

Я сажусь и внимательно слушаю его.

– Вы деньги нашли? Я поставил вашего сына на операцию. Через месяц. К этому времени деньги нужны будут. Как у вас с этим?

– Через месяц? – вырывается у меня. Это так неожиданно. И так... быстро...

– Да, ждать больше значит подвергать вашего сына опасности. Мне удалось записать его. Но если у вас нет денег...

– Я найду! Обязательно найду! – восклицаю я, понимая, что не знаю, где взять деньги. Даже если продать квартиру, то все это займет точно больше времени, чем нужно.

Зажмуриваюсь и закрываю лицо руками.

И почти сразу же ощущаю руку доктора у себя на плече.

– Екатерина Валерьевна, возьмите.

Убираю руки с лица и смотрю на стакан с водой в руках доктора. Беру его и отпиваю.

– Вы должны быть честны со мной, – доктор садится на стул рядом со мной. – Это серьезное мероприятие. Я должен на сто процентов быть уверен, что у вас есть деньги. Сейчас. Не в будущем будут, а сейчас есть. Понимаете? – пристально смотрит на меня.

Опускаю взгляд.

– У меня нет денег, – еле сдерживаюсь, чтобы не заплакать. – Я могу их достать, но не в такой срок. Но я постараюсь. Правда. Пожалуйста, не убирайте Матвея из очереди. Прошу вас.

С надеждой смотрю на него. Я готова встать перед ним на колени.

– Спасибо за откровенность, – он бьет себя по коленям и встает. Возвращается за свой стол. – Что с молоком? Не пропало? – спрашивает неожиданно. Я даже теряюсь. Отвечаю не сразу.

– Не пропало. Жаль, что я не могу Матвея кормить, – вздыхаю.

– Это хорошо, что не пропало, – улыбается доктор. – Екатерина Валерьевна, у меня есть к вам предложение. Обоюдовыгодное.

Я внимательно слежу за ним. А он опять серьезно смотрит на меня. Берет паузу и продолжает спустя мгновение:

– Есть один мальчик, ровесник вашего сына. У них разница несколько часов. Мальчик остался без мамы. Такое случается, – вздыхает. – Вы готовы стать для него кормящей мамой?

Этот вопрос вводит меня в ступор. Разве такое возможно? Сейчас, когда столько смесей и прочего.

– Не удивляйтесь, – доктор замечает мое состояние. – Это желание отца. Он хочет, чтобы ребенок получил материнское молоко. Я знаю этого человека давно. Можете не переживать. Он обратился ко мне с просьбой и я подумал о вас. Это отличная возможность помочь вашему сыну.

Смотрю на него внимательно, ловлю каждое слово.

– Вам хорошо заплатят. Этих денег точно хватит на операцию Матвеем. Что скажете, Екатерина Валерьевна? Решение за вами.

Опускаю взгляд и размышляю.

Это предложение кажется мне странным. Но есть ли у меня выбор? Есть ли у меня право сомневаться, когда на кону жизнь моего сына?

– Я понимаю, что предложение мое звучит необычно, – Олег Сергеевич первым продолжает беседу. – Но вы можете доверять мне. Это действительно хороший человек. Я про отца мальчика. Никакого обмана.

– Но... но как это все будет происходить? – спрашиваю я. – Мне нужно будет приходить туда в определенные часы?

– Нет. Вы будете жить вместе с мальчиком. Там большой дом. Фактически вам придется заменить ему мать. Мальчику. Но это всего на несколько месяцев. Пока грудью будете кормить. Конечно, вам будут помогать. Там уже есть нянечка. Но у мальчика аллергия на смеси. Просто беда, он вздыхает. – Поэтому, если вы согласны, то надо приступить к кормлению прямо сегодня. Если для вас этот вариант не подходит, то я...

– Я согласна, – не даю ему договорить. – Согласна, Олег Сергеевич. Сегодня?

Доктор улыбается. Встает и идет ко мне.

– Да, Екатерина Валерьевна, сегодня. Вы пока можете домой поехать, собрать вещи, что нужно на первое время. С остальным, думаю, потом разберетесь вместе с Амир Каримовичем.

Вскидываю на него взгляд.

– Да, это отец мальчика. Амир Каримович. Полагаю, с ним у вас проблем не возникнет. Да и видаться вы редко будете.

– Скажите, Олег Сергеевич... как бы это сказать... Он, отец мальчика, он же не знает меня. Как он может доверять мне сына? Меня вот что смущает.

– Я ждал этого вопроса, – улыбается доктор. – Не волнуйтесь, Екатерина Валерьевна. Конечно, такой человек как Амир Каримович не взял бы неизвестно кого для своего сына и наследника. Он все о вас знает.

– Все? – хмурюсь я.

– Все, что нужно для принятия решения. Не волнуйтесь. Некоторые факты вашей биографии я, конечно, опустил.

– То есть вы без моего ведома рассказали чужому человеку все обо мне? – произношу недовольным тоном. – Без моего согласия?

– Ну, давайте так, Екатерина Валерьевна, – строго отвечает доктор. – Это было в ваших же интересах. Когда Амир Каримович обратился ко мне, я почему-то сразу о вас подумал. Не знаю. Мне хотелось помочь вам. Я ведь сразу понял, что денег у вас нет. А Матвей... он долго не протянет, Екатерина Валерьевна. Ему операция нужна. Но, как я уже сказал, если вас это смущает... все можно развернуть. Я найду другую женщину.

– Нет! – уверенно говорю я. – Я согласна. И... спасибо вам. Вы простите меня. Я, наверное, не права. Вы так много сделали для меня. И теперь вот для Матвея... Простите, Олег Сергеевич.

– Не стоит. Все в порядке. Я вас понимаю. Давайте так, Екатерина Валерьевна. Вы сейчас поедете домой и подготовитесь. Вечером за вами заедут. Хорошо?

Киваю и встаю, чтобы уйти.

– И еще, – слышу в спину и оборачиваюсь. – Я, все-таки, должен вас предупредить. Амир Каримович человек жесткий. Не последний человек в городе. Многого достиг. Сам достиг. Поэтому порой он бывает бескомпромиссным. Но к нему просто надо привыкнуть.

– Я полагаю, это будет лишним. Я же к его сыну еду. Моя задача – кормить ребенка. Я правильно понимаю?

– Да, это так, но взаимодействия с отцом ребенка не избежать, – усмехается доктор. – Все хорошо будет, не волнуйтесь. Я думаю, вы ему понравитесь.

– Кому? Отцу?

– Мальчику, – улыбается Олег Сергеевич. – Но вполне возможно, что и отцу.

Сжимаю губы. Прощаюсь и ухожу.

Глава 3Катя

Еще не лестничной площадке до меня доносятся звуки музыки. Ясно. Коля пришел. И, судя по голосам, не один. Я аккуратно захожу в квартиру, по стеночке иду к себе. Мне хочется остаться незамеченной.

– О! Катька! – слышу голос приятеля Коли, Алексея.

Даже замираю. Я не хочу с ним встречаться. Но Алексей уже рядом. Берет меня за предплечье и разворачивает к себе.

– Катюха! Не узнала, что ли? Пошли! – и тянет меня за собой.

– Куда? Алексей, отпусти меня! – пытаюсь освободиться, но он сильнее.

– Посидишь с нами. Отвлечешься. Тебе полезно, – ржет он. – Ну что? Сговорчивее стала?

Он толкает меня на диван, перед которым на журнальном столике стоит бутылка и скудная закуска.

– Где Коля? – спрашиваю я, поправляя блузку.

– В ванной. Сейчас придет. Ну что, Катюха? – и Алексей плюхается на диван рядом со мной. Кладет мне на коленку свою лапищу. – Я все еще жду. Но терпелка кончается.

И опять ржет.

Я боюсь Алексея.

Это началось пару лет назад. Он стал приставать ко мне. Причем даже при брате. А Коля лишь смеялся на все его пошлые намеки и шутки.

Я каждый раз говорила Алексею, что нет, я не буду с ним. Но его приставания становились все настойчивее и настойчивее. Он оставил меня в покое лишь тогда, когда узнал, что я жду ребенка.

И вот опять.

Я сижу и понимаю, что не справлюсь с ним. Что теперь мне реально угрожает опасность. В моем же доме.

– Алексей, ничего не изменилось, – говорю я, убирая его руку с себя. – Мне надо идти.

Пытаюсь встать, но он держит меня за руку.

К счастью, в этот момент в комнату заходит брат.

– О! Появилась! – усмехается он. – Куда пропала-то? К уродцу своему моталась?

Со всей злостью, на какую способна, отталкиваю от себя Алексея и иду к двери.

– Слушай! – кричит мне в спину Коля. – Мне мать все рассказала! Даже не думай об этом! Я не дам тебе квартиру продать! А без моего согласия фиг у тебя что получится! Я узнавал! Так что, даже не рассчитывай! Поняла?!

Ничего не отвечаю. Лишь кулаки сжимаю.

– Да брось ты! – это уже Алексей. – Забери ее себе и все. Что ты, в самом деле? Садись давай. Наливай. Вот отойдет немного от родов-то и забери.

И потом гогот. Они оба ржут.

Я бегу к себе. Наспех хватаю первую попавшуюся сумку, запикиваю туда пару вещей и пулей выбегаю из квартиры.

Сбегаю на этаж ниже. Там живет тетя Валя, сестра папы. Я частенько у нее оставалась ночевать раньше, когда мама была в ночную смену, а Коля приводил дружков на квартиру.

– Ты чего? Случилось что? – спрашивает тетя Валя, впуская меня в квартиру.

– Теть Валь, можно я у вас до вечера подожду? За мной вечером заедут. А дома... – опускаю взгляд.

– Колька опять, что ли, чудит?

Киваю.

– Вот ирод окаянный! – грозит в пустоту кулаком. – Ну, заходи, давай. На кухню иди. Чаю сейчас попьем. После больницы-то не зашла ко мне. Я и не знала, что тебя уже выписали. А малой где? Почему одна?

Я иду на уже знакомую кухню, падаю на стул и понимаю, что меня трясет. Пытаюсь унять эту дрожь.

– Катюш, – тетя Валя обнимает меня за плечи. – Ну чего ты? Оставайся у меня. Живи. Тут тебя никто не тронет. А Колька, если только появится, спущу с лестницы. И дружков его. Оставайся.

– Нет, тетя Валь, – вздыхаю. – Мне есть, где ночевать теперь. Работу нашла. Деньги зарабатую на операцию Матвею.

– Работу? Когда успела? Ну-ка, рассказывай давай. Все-все рассказывай.

Дрожь немного унимается и я выдыхаю и рассказываю.

За окном уже темно, во дворе зажглись фонари, когда мне на телефон поступает звонок с неопределенного номера.

– Екатерина Валерьевна? – сухой мужской голос.

– Да.

– Спускайтесь. Я от Амира Каримовича.

И гудки. Сухо. Строго по делу.

– Кто это, Катя? – тетя Валя, похоже, замечает мое волнение.

– Это за мной, – отвечаю я, вставая.

– Катя, ты что затеяла, а? Не ходи. У меня оставайся. И с деньгами решим что-нибудь. Я у детей поспрашиваю. Если есть, не откажут. Катерина?

– Все в порядке, – подхожу и обнимаю ее. – Все в порядке. Все хорошо будет. Не переживай. Я завтра позвоню тебе.

Вдыхаю воздух полной грудью и выхожу из квартиры.

На улице, перед подъездом стоит черная тонированная машина. Из нее выходит водитель и открывает передо мной дверь заднего сиденья. Все это молча. Смотрю в каменное лицо, на котором ни одной эмоции, и сажусь.

Мы едем достаточно долго. Меня везут за город. Наконец, машина останавливается возле большого красивого дома за высоким забором.

Водитель также молча помогает мне выйти и провожает до двери. Я собираюсь постучать, но дверь сама открывается. Меня встречает худощавая женщина, на вид ей около пятидесяти лет.

– Здравствуйте, – говорит холодным тоном. – Меня зовут Изольда Игоревна. Я управляющая в этом доме. Амир Каримович предупредил меня насчет вас. Пройдемте, я покажу вам вашу комнату.

И, не дожидаясь от меня ответа, она разворачивается и каблуками отстукивает каждый свой шаг. Я иду следом.

Изольда Игоревна открывает какую-то дверь и обращается снова ко мне:

– Ваша комната. Здесь есть все необходимое. Если что-то понадобится, обращайтесь сразу ко мне. Амира Каримовича не беспокойте. Тамерлан в соседней комнате. Он сейчас спит. Вы примите душ и я отведу вас к нему на вечернее кормление.

Так. Значит мальчика зовут Тамерлан.

– Я принимала душ сегодня с утра, – говорю я.

– Прежде чем идти к ребенку, вы примите душ, – произносит тоном, не терпящим возражений. – Таковы правила.

– А можно сразу узнать все правила? – понимаю, что надо успокоиться и не нарываться. Ни к чему. Я же сама согласилась. Это я пришла в их дом. В их дом с их правилами.

– Да, безусловно, – также холодно отвечает она мне. – Вы ознакомитесь с ними сразу же после кормления Тамерлана.

Окидывает меня строгим взглядом и уходит.

Мне немного не по себе от знакомства с Изольдой Игоревной. Но я ведь буду мало ее видеть? Мне главное с малышом разобраться.

Послушно иду в душ.

Вся комната выглядит очень богато. Оснащена по последнему слову техники. Дорогой ремонт, интерьер. Но как-то холодно во всем этом великолепии. Не хватает человеческого тепла, что ли.

Я быстро переодеваюсь и выхожу в коридор. А там у двери меня уже ждет Изольда Игоревна. Молча еще раз осматривает меня, разворачивается и идет к соседней двери. Я следом.

Заходим в светлую просторную комнату. И сразу детский плач пререзает слух. У меня сердце сжимается.

У стены стоит детская кроватка, а возле нее сидит милая пожилая женщина. Увидев нас, она сразу же встает и идет навстречу.

– А это кормилица? – улыбается, глядя на меня.

– Да, – сухо отвечает Изольда. – Екатерина Валерьевна. Как Тамерлан?

– Капризничает. Почти не спал. Не знаю, что и делать. И на руках плачет. Может, животик. А меня София зовут, – опять смотрит на меня. – Я нянечка. Присматриваю за малышом. Проходите, Катерина.

Эта женщина, в отличие от Изольды, кажется мне очень дружелюбной, располагает к себе. И я улыбаюсь в ответ.

Несмело иду к кроватке. Плач не перестает. У меня слезы подступают. Потому что я вижу малыша. Хорошенького малыша. С темненькими волосами и огромными черными глазами. И он мне очень напоминает моего Матвея. Так сильно напоминает, что у меня сердце сжимается.

Глупая. Конечно, все малыши похожи друг на друга. К тому же у моего сына и этого малыша разница пара часов, как сказал доктор. Поэтому они мне и кажутся похожими.

Не спрашивая, тянусь к малышу и беру его на руки. Прижимаю к груди. Он часто моргает и успокаивается.

– Хороший знак, – улыбается София. Перевожу взгляд на Изольду, но та стоит как Снежная Королева, поджав губы. Ноль эмоций.

С малышом на руках иду к дивану. Сажусь и, глядя в черные глазки, расстегиваю блузку.

Близость младенца дает о себе знать. Я чувствую, как опухают груди от прибывающего молока.

– Тихо, тихо, маленький, – шепчу я, не отрывая взгляда от мальчика.

Почуввав запах молока, он начинает водить носом и ртом пытаться ухватиться за заветную цель. Помогаю ему рукой и зажмуриваюсь от того, как крепко он впивается в меня. Я уже отвыкла.

Малыш жадно сосет молоко, а на меня накатывает такое блаженство. Мне так не хватало этой простой радости. Но в тот же момент становится горько. От осознания, что где-то там одиноко лежит мой малыш. Мой сыночек. Без моей ласки.

Закрываю глаза, пытаюсь не заплакать.

Все будет хорошо. Матвею сделают операцию и все будет хорошо у нас.

– Наверное, голодный был, – отрывает меня от мыслей вздох Софии. – Я уж чего только не предлагала ему.

– И молоко пить не стал? – спрашивает Изольда.

– Нет. Попробовал и опять в плач. Но сейчас все хорошо, – улыбается, глядя на нас с малышом. – Получил свое.

Малыш сосет, прикрыв глаза, и постепенно засыпает. Отпускает грудь и я отношу его в кроватку.

– Все, заснул, – София поправляет тоненькое одеяло. – Ты тоже спать иди, Катюш. Можно я так называть буду?

– Конечно, – улыбаюсь в ответ. – Может, я лучше останусь?

– Нет-нет, иди поспи хоть пару часов. Тамерлан ночью встанет, опять грудь потребует. Изголодался за этот день. Вон, как впился. Я тебе принесу его. Иди к себе, – гладит меня по спине.

Я еще раз смотрю на мальчика. И ком к горлу подступает. Ведь по сути, оба малыша несчастны, и мой Матвей, и Тамерлан. Только у Матвея есть шанс быть с мамой, а у этого мальчика – его нет...

Я не знаю, что произошло с его мамой, но помню, что доктор говорил, что нет ее больше. Тамерлан остался без мамы.

И опять сердце сжимается, когда я вижу, как малыш причмокивает во сне. Маленький и такой беззащитный.

У себя в комнате я набираю сообщение мамы, что ночевать не приду. Расскажу ей завтра днем все. Сейчас пусть думает, что я у тети Вали заночевала. Так уже было, поэтому она не удивится.

Следующие три дня моя жизнь становится вполне спокойной и размеренной. Я большую часть времени провожу с Тамерланом. Мне хочется не только кормить его, но и просто держать его на руках, прижимать к себе и слушать быстрый стук маленького сердечка. А еще мне кажется, что он улыбается мне. Каждый раз, когда я беру его на руки, улыбается.

Вот и сегодня мне никак не хочется уходить от Тамерлана, но Изольда строго следит за тем, чтобы я не спала с ним в одной комнате. Это не по правилам. Каким-то дурацким правилам.

Но я ведь не вправе спорить? Я здесь никто. Временный человек.

Я успеваю поспать часа три, как в комнату заходит София с Тамерланом на руках. Сажусь в кровати и беру малыша. Потом отношу его сама, укладываю и иду на кухню. Пить хочется.

Свет не включаю, на пол падает отблеск луны и вполне сносно освещает комнату. Беру стакан с водой и иду к окну. На небе столько звезд сегодня. Опять задумываюсь. И тут за спиной слышу чей-то кашель. Это настолько неожиданно, что стакан выскальзывает у меня из рук и падает на пол.

Глава 4Катя

Вглядываюсь в полумрак, но тут же комнату озаряет яркий свет. Я даже зажмуриваюсь с непривычки. Когда опять открываю глаза, то замечаю в дверном проходе мужчину.

Высокий, он занимает почти весь дверной проем. Мужчина стоит, сложив руки на груди, и от этого ткань пиджака плотно облегает мышцы.

Но больше всего мое внимание привлекают его глаза. Тяжелый взгляд черных глаз. Таких же черных, как у малыша.

Мужчина смотрит на меня. Смотрит так, что мне неуютно становится. Бесцеремонно прохаживаясь взглядом по моей фигуре и я понимаю, что допустила ошибку, выйдя из комнаты в короткой ночной рубашке. Но в доме никогда не было мужчин, а к Софии я привыкла.

Сейчас взгляд этого мужчины скользит по моим ногам, идет вверх. И, когда мы встречаемся взглядами, я не выдерживаю и отворачиваюсь. Опускаю взгляд и замечаю осколки стекла на полу. стакан, все-таки, разбился.

Сажусь на корточки и начинаю собирать осколки.

– Не стоит, – жесткий, немного грубоватый, голос заставляет меня замереть на мгновение, но потом я опять возвращаюсь к стеклу. – Горничная уберет утром.

Но я не понимаю, как можно оставить стекло на полу. А вдруг кто-то также ночью выйдет на кухню и наступит на него? Поэтому, не обращая внимания, убираю осколки.

Я уже догадалась, что это хозяин дома. Судя по тому, как он ведет себя и вспоминая рассказы Софии о нем.

Мне хочется быстрее уйти отсюда и поэтому я тороплюсь. Неудивительно, что беру очередной кусок стекла неаккуратно и режусь. Ойкаю и прикладываю палец к губам, ощущая солоноватый вкус крови. Так и сижу на корточках и вижу, что мужчина идет ко мне. Вижу только его ноги, потому что взгляд поднять боюсь. Боюсь опять встретиться взглядом с ним.

Мужчина садится рядом и, не спрашивая, берет мою руку. Осматривает ее.

– Я же сказал, что не стоит, – произносит, как мне кажется, недовольно.

Потом встает и куда-то уходит.

– Садитесь, – кивает мне на стул и я слушаюсь.

Молча, не говоря больше ни слова, он обрабатывает мой палец и приклеивает пластырь. Кладет мою руку на стол, но не отходит. Поднимаю взгляд. Мужчина смотрит на меня сверху вниз.

Я встаю.

– Меня зовут... – мне кажется, я, все-таки, должна представиться. Дурацкое, конечно, у нас знакомство получилось, но можно же еще все исправить?

– Я знаю, как вас зовут, – обрывает мой порыв мужчина. – Я всегда знаю, кто и что делает в моем доме, – делает акцент на последних словах.

А потом также неожиданно, как и появился, выходит из кухни.

Я еще какое-то время стою и хлопаю глазами. Не так я представляла себе знакомство с отцом малыша. Очухиваюсь и бегу в свою комнату. Закрываю дверь и прислоняюсь к ней спиной. И сердце стучит. Стучит так, что готово вырваться наружу.

В итоге я так и не засыпаю до следующего кормления. И, покормив Тамерлана, плохо сплю до утра. Прислушиваюсь к каждому шороху. За эти дни я почти привыкла и мне даже стало нравиться в этом доме. Но после сегодняшней встречи как будто что-то изменилось.

Может, хозяин опять куда-то уедет? Ведь не было же его все эти дни. Хотя понимаю, что глупо так размышлять. Я здесь никто. Это его дом. И это мне придется подстраиваться под него.

В любом случае, буду избегать общения с ним.

Утром после кормления я обычно гуляю с Тамерланом в саду. Хотя мои функции в этом доме ограничиваются кормлением малыша, мне хочется побольше времени проводить с ним. С первого дня я так привыкла к нему. Конечно же, причина в Матвее. Мне не хватает его и я пытаюсь хоть как-то заполнить пустоту тем, что занимаюсь Тамерланом.

Обычно он быстро засыпает в коляске и я могу почитать в арке с розовыми кустами. Сад здесь очень красивый. Видно, что за ним очень следят. Много цветов и аромат такой в воздухе.

Вот и сейчас Тамерлан мирно посапывает в коляске, а я открываю книгу, чтобы продолжить чтение.

– Что с Софией? – раздается голос сзади и я резко оборачиваюсь. У меня за спиной стоит тот самый мужчина, с которым я столкнулась ночью на кухне. Вот и избежала общения!

– Она завтракает, – отвечаю, вставая.

– Почему вы выполняете ее работу? – мужчина подходит и заглядывает в коляску.

– София не виновата. Я сама попросила ее об этом. Мне не тяжело и я хотела бы...

– Каждый должен заниматься своим делом, – произносит он жестко. – Ваша обязанность только кормить малыша. Для всего остального у него есть София. Была. Потому что придется менять ее.

Его слова вводят меня в шок.

– Не надо ее менять, – прошу я. – Я сама забрала Тамерлана у нее. Она не хотела отдавать, но я уговорила. Если уж на то пошло, то это моя вина. Моя. Меня и меняйте, – смотрю ему прямо в глаза.

Он шурится и усмехается.

– Так легко расстанетесь с местом? Ради неизвестно кого? Вам же нужны деньги.

– Нужны, – не спорю я. – Но не любой ценой. Можно я догуляю с Тамерланом и потом покину ваш дом?

Его лицо становится вновь серьезным.

– Ошибка принимать импульсивные решения. Вы мать и должны уже думать не только о себе.

Разворачивается и уходит. Я сажусь на скамейку и чувствую, что руки-то у меня дрожат. В присутствии отца Тамерлана я держалась, но сейчас меня накрывает. Я, все-таки, боюсь его. Очень боюсь.

Поскольку никто не напоминает мне о нашем разговоре и я немного успокаиваюсь, то решаю последовать его совету и не совершать необдуманных поступков. Да, мне нужны деньги. Если ради спасения Матвея мне придется терпеть этого сноба, то я сделаю это.

После обеда звоню в клинику Олегу Сергеевичу.

– Все хорошо, Екатерина Валерьевна, – успокаивает он меня. – Не волнуйтесь. Матвея перевели в специальную палату. У него все есть. Очередь я подтвердил. Не переживайте.

– Я могу приехать сегодня?

– Да, конечно. В положенные часы.

Беседа с врачом успокаивает меня и вселяет надежду. Покормив Тамерлана, еду к Матвею. Смотрю на него из-за стекла. Но уже не плачу. Я верю, что все будет хорошо. Верю.

Вечером, зайдя в дом, замечаю свет в гостиной. До этого там всегда темно было. Понимаю, что хозяин дома. Не уехал никуда. Я осторожно крадусь по лестнице в свою комнату, чтобы не привлекать его внимание. Покормив Тамерлана, иду к себе. От ужина сегодня, пожалуй, откажусь. Но не успеваю присесть, как раздается стук в дверь.

– Войдите, – говорю я, вставая.

В комнату заходит Изольда.

– Спускайтесь к ужину, – цедит она.

Впервые меня так на ужин зовут. Странно даже.

– Спасибо, я не голодна, – отвечаю я.

– Амир Каримович хочет с вами поговорить, – добавляет Изольда и уходит.

Предложение звучит неожиданно. Мне казалось, наша последняя встреча дала мне надежду, что хозяин дома не испытывает особого желания видеть меня.

Поговорить... О чем он хочет со мной поговорить? Хотя, возможно, я просто накручиваю себя. В принципе, все вполне логично. Я кормлю его сына, он хочет пообщаться со мной.

Хотя все равно странно. Будь я на его месте, я бы сначала поговорила с кормилицей, а потом подпускала бы ее к ребенку.

Смотрю на себя в зеркало. Вспоминаю тяжелый взгляд мужчины на мои ноги в ту ночь и натягиваю на себя джинсы, водолазку. Волосы собираю в хвост. Еще раз осматриваю себя и выхожу.

Иду на кухню. Я там пищу принимаю. Иногда вместе с Софией, иногда одна. Но не дохожу до комнаты, потому что вижу свет, падающий из гостиной. Машинально заглядываю туда. И именно там сидит хозяин дома за небольшим накрытым столом. Мужчина тут же поднимает взгляд на меня и смотрит. Долго смотрит. Господи, почему у него взгляд-то такой тяжелый?! Каждый раз под ним я чувствую, как будто меня к полу пригвождают. Мне кажется, я меньше становлюсь.

– Мне сказали, что вы хотели переговорить со мной, – первой говорю я, откашливаясь, потому что он молчит.

– Вы же не ужинали, – шурится и откидывается на спинку кресла. – Меня испугались?

Этот прямой вопрос немного сбивает меня с толку. Но потом я думаю: какого черта я его боюсь? Ну, что он мне сделает? Я здесь, потому что нужна ему, вернее, его сыну. Если бы я ему не понравилась, то он уже выгнал бы меня. Вдохновленная этими мыслями, приподнимаю подбородок и отвечаю:

– Я не голодна, – беру паузу и добавляю: – и да, не думаю, что у меня есть повод бояться вас.

Он усмехается и произносит тоном, не требующим возражений:

– Садитесь, – кивает на стул напротив себя. – Можете не есть. Не заставляю. Просто расскажите мне о себе.

И он опять наклоняется к тарелке и берет приборы.

Сажусь на предложенное место. В нос сразу же ударяет приятный аромат. Все-таки, тяжело сидеть вот здесь, за столом с такими вкусностями, на голодный желудок. Поэтому стараюсь не смотреть на них. Но и на своего собеседника смотреть тяжело. Отворачиваюсь и рассматриваю огонь в камине.

– Что вас интересует? – спрашиваю ровным голосом. – Олег Сергеевич сказал мне, что при выборе меня вы получили полную информацию.

Мужчина берет салфетку, медленно вытирает губы и опять пристально смотрит на меня.

– Мне кажется, вы неправильно понимаете наши договоренности, – говорит сухо. – Я не знаю, что дало вам повод думать так. Давайте сразу все обозначим. Вы кормите Тамерлана, я плачу вам деньги. Если вы думаете, что у меня к вам будут какие-либо другие притязания...

На этих словах я скидываю на него взгляд и изумленно смотрю. Что он имеет в виду?

– Я не собираюсь склонять вас к чему-либо, – мне кажется или уголок его губ дергается? – Если бы я этого хотел, то все было бы иначе.

– Я вас не понимаю, – сажусь прямо и стараюсь не отвести взгляда, хотя и тяжело это.

– Вы все поняли, – строго произносит он. – Надеюсь, мы все выяснили. А теперь расскажите мне о себе и о своем ребенке.

– Мой ребенок в клинике. Вы это знаете. И мне нужны деньги на ему на операцию. Поэтому я здесь.

Я стараюсь говорить спокойно, хотя после всего услышанного у меня сердце стучит чаще и чаще. Неприятный разговор получается. Может, если я отвечу на его вопросы, мы быстрее закончим?

– Почему отец ребенка не беспокоится об этом? – моя попытка хоть как-то успокоиться летит к чертям. – Почему вы занимаетесь поиском денег? Где отец вашего ребенка?

Его вопросы сыпятся один за другим. Я знаю. Это такой прием, чтобы не дать мне собраться и придумать что-нибудь. Не дать соврать.

Но я беру себя в руки. Смотрю ему прямо в глаза и говорю спокойно, но уверенно:

– Мне кажется, это не относится к нашим договоренностям. И это никак не влияет на исполнение мной взятых обязательств. А вы сейчас, – беру паузу. – Вы даете мне повод сомневаться в правдивости ваших слов, сказанных ранее. Я могу идти?

Встаю.

– Нет! – рявкает он и черные брови сходятся на переносице. Смотрит и ждет, что я сяду. Я понимаю это. Но я упорно стою. Развернуться и убежать? Показать ему свое слабое место? А если остаться? К чему это приведет? К открытому конфликту и потере работы? – Сядьте, Екатерина Валерьевна, – уже мягче произносит он. И он впервые называет меня по имени. До этого он никак не обращался ко мне. – Не стоит так явно показывать свой страх. Это могут использовать против вас.

Его самоуверенность начинает злить меня.

– Я не боюсь вас. Не вижу причины. Все, что вы хотите узнать обо мне, вы можете спросить у Олега Сергеевича. Извините, но у меня нет желания продолжать этот разговор.

– Пока вы находитесь в моем доме, – все также жестко произносит он, – вам придется следовать определенным правилам.

– Каким?

– Например, слушать меня. Я хозяин дома и ваш непосредственный работодатель, – усмехается он. – В этих моих вопросах нет ничего странного или оскорбительного. И я имею право это знать. Меня это тоже касается.

– Каким образом? – складываю руки на груди и продолжаю стоять. Наверное, лучше выяснить все сейчас.

– Вы тесно общаетесь с моим сыном, – смотрит на меня исподлобья и тоже встает. – Ваше моральная сторона волнует меня не менее, чем наличие молока в вашей груди.

Я даже не нахожу, что ответить сразу. Стою и лишь раскрываю рот в немой защите. Его тон не дает мне сомневаться в серьезности его утверждений. Неужели, он и правда думает, что вправе указывать мне? Это перебор.

– Мне кажется, вы забываетесь, – говорю, сдерживая дрожь в голосе. – Это вас точно не касается. Это моя жизнь и мне самой решать, что правильно, а что – нет.

– Рожать ребенка без отца – правильно? – усмехается он. – Я значит живу в какой-то другой системе координат.

– Рада за вас, – огрызаюсь я. Разворачиваюсь и иду к двери.

– Екатерина Валерьевна, – слышу в спину, но не оборачиваюсь. Делаю еще шаг и тут чувствую, как меня грубо хватают за локоть и разворачивают на сто восемьдесят градусов.

Мужчина сейчас так близко, что я, мне кажется, слышу удары его сердца.

– Я не разрешал уходить, – говорит он.

– А я не хочу выслушивать и дальше оскорбления. Если вы считаете, что мое аморальное поведение может негативно повлиять на Тамерлана, я завтра с утра уйду. Надеюсь, вы разрешите мне ночью покормить его? Это никак не отразится на моральном облике этого дома?

Говорю эти слова и сама пугаюсь последствий. Понимаю, что меня просто несет, но остановиться не могу. Давно я не была в таком состоянии. Давно у меня никто не вызывал таких негативных эмоций.

– Не стоит нервничать, если вы собираетесь и правда кормить Тамерлана, – усмехается его отец. – Вам надо нервы подлечить, Екатерина Валерьевна.

– Катенька! – доносится голос из коридора и хватка на моей руке ослабевает, я дергаю ее, освобождаясь. Оборачиваюсь и замечаю Софию: – ой, здравствуйте, Амир Каримович, – обращается к мужчине. – Катенька, Тамерлан проснулся.

И я тут же выхожу из комнаты и быстрым шагом иду наверх.

Глава 5Катя

Прежде чем взять Тамерлана на руки, пытаюсь успокоиться, но руки все равно трясутся. Как реагировать на очевидное хамство от незнакомого мне мужчины? Мне кажется, сегодня он явно дал понять свое отношение и что мое нахождение в доме нежелательно для него. Сказал бы прямо.

Придется срочно искать покупателей на долю в квартире. Можно же и быстро продать. Получу, правда, меньше. Но главное, что Матвею на операцию хватит.

Дрожащими руками беру малыша и сажусь, чтобы покормить. И мне кажется, что Тамерлан хмурится. Словно чувствует что-то. Водит носом, не желая брать грудь.

– Ну же, Тами, – ласково говорю я. – Все хорошо. Кушай.

Но малыш капризничает. Начинает плакать и отворачивается от груди. Ни мои попытки укачать его, ни нежные поглаживания не могут его успокоить.

– Странно, что это с ним? – София подходит и садится рядом. – Так хорошо кушал. Может, его что-то беспокоит? – гладит Тамерлана по голове.

– Да нет, – вздыхаю. – Это не его беспокоит, а меня.

Поправляю блузку. Тамерлан все равно не будет кушать сейчас.

– Что-то случилось, Катюш? – София с любопытством смотрит на меня.

– Ничего страшного, – пытаюсь улыбнуться. – Все в порядке. Я посижу с Тами здесь? Вдруг, все-таки, возьмет.

– Конечно. Не спрашивай даже.

Я смотрю на малыша, который понемногу успокаивается, и сама прихожу в себя. Это я виновата, что он отказывается есть. Чувствует мое состояние. Как родной. Привык за эти дни. Как же жалко будет его оставлять...

У меня даже слезы подступают. Опять ему привыкать придется к новой кормилице.

Нет, Катя, надо успокоиться. Малыш должен поесть. Поэтому забудь про слезы.

– Это Амир, да? – неожиданно спрашивает София.

Поворачиваюсь к ней. Смотрю вопросительно.

– Он тебя расстроил, да? Не обращай внимания, Катюш. Ну, он просто такой вот человек. Все привыкли. И ты привыкнешь, – вздыхает.

– Не будет у меня шанса привыкнуть, – говорю с горькой усмешкой. – Я все с первого раза понимаю.

– Да что случилось-то, Катюш?

– Тшшш, – шепчу я, замечая, как Тамерлана начинает тыкать носом в грудь. Достая и сую ему. Он тут же подхватывает и нетерпеливо сосет.

Господи, какое же это блаженство. Вот так ощущать так близко маленького человечка. И как же больно осознавать, что это не Матвей. Но ничего, скоро я и его смогу кормить. Врач сказал, что скоро я смогу приходить и кормить его и оставлять молоко. А после операции он будет жить со мной.

Господи, неужели это когда-то случиться?! Как хочется верить, что скоро!

Глажу по крохотной головке, перебирая темные волоски.

Тамерлан засыпает. Аккуратно кладу его в кровать.

Вдруг мы с Софией слышим хлопок двери. Прислушиваемся.

– Хозяин ушел, похоже, – говорит София. – Он часто ночью уходит. Баба там у него какая-то. Ну, я так мельком слышала от Изольды. Сама не видела, правда, но говорят, что есть. Хотя, оно и понятно. Взрослый мужчина.

– Я пойду, – говорю ей мягко. Слушать о личной жизни этого грубияна мне совсем не охота.

– Да, конечно, Катюш, иди отдыхай. Отрываю тебя. Иди. Тамерлан, наверное, опять всю ночь проспит. Намного спокойнее стал с твоим приходом.

Я киваю. Так не хочется ее огорчать.

– Мне, возможно, завтра отъехать надо будет. Я сцежу молоко для Тами. В холодильник поставлю. Если не успею...

– Хорошо, Катюш. Но ты все же постарайся приехать. Он только с тобой такой спокойный, – мило улыбается София. – Бедный малыш. Без мамы, – вздыхает.

Я перевожу взгляд на кроватку, где мирно посапывает Тамерлан. Да, бедный малыш. Но его отец четко дал понять мне, что я не достойна быть рядом с его сыном.

Чтобы не терзать себя больше мыслями о малыше, разворачиваюсь и ухожу. Жду положенное время, пока молоко прибудет, и сцеживаю его. Стараюсь набрать как можно больше. Я не знаю, как быстро найдут мне замену. Хотя, почему-то уверена, что отец мальчика уже нашел кого-то, поэтому так себя и вел со мной. Но почему бы тогда открыто не сказать, что я тут нежелательна? Хотелось оскорбить меня?

Собираю свои вещи. Их не так много, основную массу я все же еще не успела забрать из дома. И это хорошо.

Я хочу уйти незаметно, не прощаясь. Лишние разговоры ни к чему.

Осторожно ступаю в ночной тишине и выхожу.

Куда ехать? Ночью домой показываться не хочу. Мама, наверное, опять на смене и там Коля с друзьями. А если там и Алексей? Поэтому сразу же звоню тете Вале.

– Что случилось, Катерина? – обеспокоенно спрашивает она, впуская меня.

– Можно я у вас заночую? Утром к себе уйду.

– Проходи, конечно. Все в порядке? Ты какая-то потерянная. Случилось чего? На работе обидели? Ну, ладно, потом расскажешь, если захочешь. Ложись, вот, на диване. Где белье, уже знаешь. Отдыхай. Не расстраивайся, Катерина, – гладит меня по голове по-матерински, – все образуется. Не бывает все время черная полоса. Все будет хорошо у тебя. И у Матвея. Все решится. Ты главное – не опускай руки. Ты знаешь, я всегда помогу тебе.

– Спасибо, тетя Валь, если бы не вы, – опускаю взгляд. Плакать нельзя. Не надо.

Целую ее и она уходит к себе.

А я лежу и смотрю в окно на ночное небо. Я только что лишилась возможности заработать на операцию Матвею. И теперь мне предстоят скандальные разговоры с мамой и братом по поводу продажи квартиры. Ничего, я найду в себе силы. Пусть будет так, как говорит тетя Валя, – пусть будет все хорошо.

Утром мы завтракаем вместе с тетей Валей и потом она уходит в поликлинику, а я поднимаюсь в свою квартиру. Открываю дверь, вроде, тихо. Может, мне повезет и дома никого не будет?

Иду в свою комнату.

– Катька, ты, что ли? – слышу голос Алексея и все холодеет внутри.

Оборачиваюсь и вижу его опухшее лицо, выглядывающее из-за спинки дивана. Он смотрит на меня одним едва приоткрытым глазом. Опять, значит, всю ночь с Колей тут сидели у нас. Вон и бутылки стоят.

Разворачиваюсь и забегаю к себе в комнату. И я очередной раз жалею, что на двери замка нет, потому что она с грохотом распахивается и на пороге появляется Алексей. Потирает ладонью лицо.

– Чего сбегашь? – произносит недовольно. – Брезгуешь?

– Алексей, выйди, пожалуйста, из моей комнаты. Мне надо переодеться. Иди к Коле.

– Переодеться? – он довольно ухмыляется, оглядывая меня. Меня даже озноб пробирает от его взгляда. – Давай, помогу, – и делает шаг ко мне.

– Нет! – выставляю вперед руку в панике. Я опять вспоминаю то, что так старательно пытаюсь забыть. То, что не дает мне порой уснуть по ночам, а днем заставляет шарахаться от всех мужчин.

– Да не бойся ты, – но Алексея мой жест не останавливает, он так и продолжает шагать ко мне. – Давно уж забыть пора. Ну, было и было. Чего ты сама себя-то гнобишь? Иди, я покажу тебе, как это бывает по-другому.

И он тянет ко мне свои грязные руки. Я спрыгиваю с кровати и пячусь назад.

– Алексей! Хватит! – кричу я, надеясь, что меня услышит Коля. Он же здесь? Выглядываю за спину Алексея.

– Колька в магазин побежал, – ржет он. – Так что, одни мы, Катька, одни. С утра так ласки хочется, потирает свою грудь.

Он совсем рядом и я со всей силы толкаю его от себя. Он отшатывается и продолжает смеяться. Я пользуюсь этим и выбегаю из комнаты.

– Стой! – кричит он мне в спину. – Поиграть вздумала? Иди сюда! Будешь послушной, сделаю так, что понравится. А будешь опять морду воротить – пожалеешь! В тот раз тебе же не все показали?! Сейчас я сделаю это!

Я в отчаянии, вытирая слезы, стекающие по щекам, бегу в коридор и дрожащими руками поворачиваю ключ в замке.

– Куда?!

Чувствую грубый захват у себя на волосах и рывок. От боли зажмуриваюсь, но успеваю дернуть открытую дверь.

– Стоять, я сказал! Подстилка! – злость в голосе Алексея пугает меня еще больше.

– Отпусти! Отпусти меня! – я уже готова умереть от отчаяния и предпринимаю последнюю попытку оттолкнуть его от себя.

И тут дверь открывается полностью и я вижу в дверном проеме отца Тамерлана.

Он смотрит на нас с Алексеем исподлобья. На лице без труда читается отвращение.

– Вы? – спрашиваю я охрипшим голосом и откашливаюсь.

– Это что еще за... – и дальше мат. Алексей не подбирает выражения.

Потом резко дергает меня внутрь квартиры и я ударяюсь о стену и сажусь на пол.

– Ты кто такой? – Алексей сам лезет на пришедшего мужчину. И вместо ответа получает удар. Едва заметный мне, но, похоже, сильный. Потому что Алексей сразу же складывается вдвое и хрипит. – Ссссу... – договорить ему не дают.

Амир берет его за шею и толкает в комнату. Потом подходит ко мне. Смотрю снизу вверх, как он поправляет запонки и пиджак. Подает мне руку. Молча. С того момента, как он вошел в нашу квартиру, он не произнес ни слова.

Я подаю ему руку и он тянет меня вверх. Встаю и чувствую солоноватый вкус крови в уголке губ. Трогаю пальцами. Взгляд Амира устремляется туда же. Он убирает мою руку и прикладывает к моим губам свой платок.

– Спасибо, – шепчу я. – За платок спасибо и за... за то, что спасли. Что-то с Тамерланом случилось?

Он ведь так и не сказал, почему он здесь. Неужели, что-то с мальчиком?

– Ваша? – Амир поднимает с пола мою сумку.

Киваю. Что он собирается делать? Рыться в моих вещах? Он думает, что я что-то украла, поэтому убежала?

Но нет. Он все также молча берет меня за локоть и тащит за собой.

Очухиваюсь я уже на лестнице в подъезде.

– Что происходит? – пытаюсь сопротивляться. – Куда вы тащите меня? Я не брала ничего! Что вам надо? – и в отчаянии со всей силы ударяю его кулаком по спине.

Он резко останавливается и поворачивается ко мне. Впивается взглядом черных глаз. Страшно. Но я не отвожу взгляда. Пусть не думает, что я его боюсь.

– Никогда не поднимайте руку на мужчину, – наклоняется и цедит сквозь зубы. – Именно на мужчину, а не на мразь, – кивает в сторону моей квартиры, судя по всему имея в виду Алексея. – Вы так и не поняли, что совершаете одну ошибку за другой? – спрашивает как-то грубо. – Сколько вам лет?

– Вы прекрасно знаете это, – огрызаюсь я, отворачиваясь.

– Тамерлан плачет, – уже другим голосом произносит он. Более человеческим, что ли. Смотрю ему в глаза. Теперь передо мной не грубиян, а отец. Тревога в глазах. – Не будьте так жестоки, – взывает к моей совести. – Он не виноват.

И, не дожидаясь от меня ответа, но, видимо, почувствовав, что я расслабилась немного, просто запихивает меня в свою машину и быстро сам садится за руль.

Глава 6Катя

Мы едем молча. И я благодарна за это Амиру, потому что говорить что-либо сейчас очень тяжело. Как только проходит страх, я начинаю чувствовать стыд. Мне стыдно перед ним. Он видел, как Алексей лапал меня. И слышал его слова...

Нет, мне все равно на его мнение, но... Я всегда старалась держать в тайне свои проблемы. Помощи все равно ни от кого не получишь, а вот сплетен и осуждения не избежать. И никто бы не узнал и моей самой страшной тайны, если бы...

– Екатерина Валерьевна, – легкий толчок в плечо. – Приехали. Вы задумались о чем-то?

Оглядываюсь, моргая. Я действительно так погрязла в своих мыслях, что не заметила, как мы въехали в уже знакомый двор.

Отец Тамерлана открывает дверь и помогает мне выйти. Входная дверь тут же открывается и я вижу Изольду. Она быстро окидывает меня холодным взглядом. Мы подходим.

– В душ? – спрашиваю я, глядя ей в глаза, а до слуха доносится плач малыша.

– Идите к сыну, – вместо нее отвечает Амир.

Бросаю на него быстрый взгляд и бегу по лестнице.

– Катенька, как хорошо, что ты пришла! – бросается ко мне София. – Не могу никак Тамерлана успокоить. Просто кошмар.

Не обращая на нее внимания, я иду к мальчику. Раскрасневшийся, он кричит, сжимая кулачки. И крик уже такой, хрипловатый. Маленький. Сердце щемит опять.

Виню себя. В бессердечности. Аккуратно беру Тамерлана на руки. Он все еще всхлипывает, часто моргает, но пытается зацепить меня взглядом. И мне кажется, что он узнает меня. Хотя, наверное, только кажется.

– Ну, что ты, Тами? – шепчу я, проводя рукой по маленькой головке. – Все хорошо. Не плачь.

Сажусь на диван и собираюсь кормить малыша. Тут вдруг дверь открывается. Без стука. И в комнату заходит отец Тамерлана. Смотрит сначала на меня, потом на Софию.

И показывает ей на дверь. Показывает ведь? Или мне опять кажется?

Нет, похоже, что не кажется. Потому что София опускает взгляд и выходит. Закрывает за собой дверь.

Тамерлан тычется мне в грудь и, не получив свое, начинает опять плакать. А я придерживаю воротник блузки и наблюдаю за отцом малыша.

Он стоит, засунув руки в карманы брюк, и тоже не сводит с меня глаз.

– Вам доставляет удовольствие слышать детский плач? – спрашивает строго, нахмутив брови.

Вопросительно смотрю на него.

– Кормите Тамерлана, – кивает он на мальчика. – Вы и так заставили его сегодня плакать весь день. Кормите!

Тереблю пуговицу на блузке. Мне и самой не терпится дать грудь малышу и я понимаю, что молоко сейчас будет сочиться и выступать на ткани. Но как? Как кормить при нем?

– Выйдите, – осмелев, прошу я.

Он удивленно приподнимает брови и уголок губ дергается. Но улыбка не появляется на лице.

– В моем доме я решаю, кто выйдет, а кто останется, – произносит четко, почти по слогам.

– Кормите Тамерлана.

Опускаю взгляд на дергающегося и кричащего малыша и, сжав губы, расстегиваю блузку. Приподнимаю чашечку лифа и Тамерлан тут же присасывается.

Я так и сижу, не поднимая взгляда. И мне кажется, краснею. Чувствую тяжелый взгляд. На себе чувствую. Но посмотреть ему в глаза боюсь.

А он, вместо того, чтобы уйти, наоборот, делает пару шагов ко мне. Встает совсем рядом. И тогда я поднимаю взгляд.

– Вы находите это приличным? – спрашиваю, пытаюсь прикрыть грудь ладонью.

– Не забываете, – спокойно произносит он. – Вы кормите моего сына. И да, я имею право знать, как вы справляетесь с этим.

– Справляюсь? – уточняю я.

– Вполне, – слишком резко произносит он, разворачивается и уходит.

Я сижу и пытаюсь успокоиться. Не надо, чтобы Тамерлан почувствовал мое волнение. Набираю воздух и медленно выдыхаю.

Пытаюсь понять, что это было сейчас. И не могу.

Я еще долго не могу уснуть, а утром, проснувшись, чтобы кормить Тамерлана, боюсь опять встретиться с его отцом.

Но он больше не появляется. От Софии я узнаю, что отец мальчика уехал на несколько дней. И мне становится как-то спокойнее даже. Это все неправильно, потому что мне ведь предстоит прожить здесь, рядом с ним, еще много времени. И наши встречи неизбежны. Поэтому мне надо как-то научиться не поддаваться эмоциям и страху при встрече с этим мужчиной. А еще лучше – минимизировать наше общение.

Мужчины не вызывают во мне никаких положительных эмоций. Кроме пошлых намеков Алексея были еще попытки пригласить меня куда-нибудь от других мужчин. Но любое такое предложение вызывает во мне лишь дрожь и страх.

В моей жизни может быть только один мужчина – мой сын. Матвей.

Опять вспоминаю о нем и ком в горле. Мой малыш.

Скоро операция. Врач сказал, что отец Тамерлана уже перевел нужную сумму и дату операции удалось передвинуть на несколько дней. Я так жду этого!

Ведь после операции, когда Матвей окрепнет и сможет находиться вне стен больницы, я смогу забрать его. Он будет жить тут, со мной.

А потом...

И грусть сразу накатывает от мыслей о «потом». Ведь по сути идти мне с ним некуда. Домой? Я боюсь даже представить реакцию мамы и Коли.

Наверное, придется какое-то время пожить у тети Вали, пока я не продам свою долю. Это будет нелегко. Но я найду силы.

– Екатерина Валерьевна, – голос Изольды отвлекает меня. – София плохо себя чувствует. Вы пойдете на прогулку с Тамерланом?

– Конечно, – улыбаюсь я. – Я погуляю с малышом.

– Я с вами пойду. Мне надо в аптеку, – говорит она, поджав губы и не глядя на меня. – Помогите Софии одеть Тамерлана.

– Хорошо, – отвечаю я, выходя из комнаты.

Подготовив Тамерлана, возвращаюсь к себе и беру сумку. Когда выхожу на улицу, Изольда уже стоит рядом с коляской. Подкатывает ее ко мне.

Обычно с малышом гуляет София. Я всегда стараюсь тоже идти вместе с ней.

Во-первых, мне все равно скучно сидеть в своей комнате и хочется побольше времени с Тами провести. Привыкла я к нему. Сама не заметила, как, но привыкла.

А, во-вторых, это, пожалуй, единственная возможность выйти за высокие ворота. Мы с Софией обычно гуляем по аллее рядом с домом, иногда доходя до ближайшего торгового центра. Эти прогулки хоть как-то отвлекают меня от грустных мыслей.

Вот и сейчас мы с Изольдой идем по тропинке вдоль высоких деревьев.

– Надо побыстрее. Сегодня придут замеры делать, – говорит Изольда. – Мне к одиннадцати надо быть дома, – роется в своей сумочке. – Черт. Не могу телефон найти. Который час, Екатерина Валерьевна? – обращается ко мне.

Я засовываю руку в сумку и не могу нащупать там телефон. Неужели забыла? Но я не помню, чтобы доставала его из сумки. Странно.

– Как же мы без телефона? – вздыхает Изольда. – Пойду вернусь. Ой, – и хватается за поясницу. – Опять прихватило, – качает головой.

– Вам плохо? – спрашиваю я.

– Сейчас отпустит. Сейчас. За телефоном надо сходить.

– Я схожу, – говорю я. – Подождите меня здесь, – передаю ей коляску. – Я быстро!

– Хорошо. Жду вас. Не задерживайтесь, пожалуйста, – опять возвращается этот холодный тон.

Быстрым шагом я преодолеваю расстояние до дома. К счастью, мы не успели далеко уйти. Забегаю в свою комнату. Телефон нахожу на подоконнике, за шторами. Странно, не помню, чтобы я туда его клала. Но не заостряю на этом внимания.

Выхожу за ворота и иду по тропинке туда, где остались Изольда и малыш.

Дохожу до того места, но... там никого нет. Оглядываюсь. Я не могу ошибаться. Они же здесь остались! Я точно запомнила!

Но нет. Нет нигде ни коляски, ни женщины.

В панике оббегаю все вокруг. Никого.

Может, Изольда не дождалась меня и пошла с Тами в аптеку, рассчитывая, что я догоню их?

Быстро иду в сторону торгового центра, где и расположена аптека. Буквально бегу. Но они мне так и не попадают.

В аптеке сразу же подхожу к фармацевту:

– Женщина с коляской не заходила к вам? – спрашиваю, запыхавшись.

– Нет, – мотает головой милая девушка за стеклом. – Не было с коляской никого с утра. Дрожащими пальцами набираю Софию.

– Да, Катенька, – слабым голосом отвечает она.

– София, Изольда с Тамерланом там? Они уже дома?

– Нет, Катенька. Вы же вместе ушли. Разве они не с тобой? Катя?

Я не знаю, что ответить ей и кладу трубку.

Опять бегу туда, где оставила Изольду и Тамерлана. Оглядываюсь. Долго не решаюсь звонить в полицию.

И тут! До меня доносится детский плач! Резко поворачиваю голову в сторону, откуда идет звук. Замираю. Плач повторяется. И я срываюсь туда.

Глава 7Катя

Каких-то десять шагов и я замираю. В нескольких метрах от меня – коляска, а рядом с ней Амир с мальчиком на руках.

Встаю как вкопанная не в силах понять, что же произошло. Тамерлан плачет, хотя Амир пытается успокоить его. Потом он вдруг резко поворачивается в мою сторону. Словно почувствовав мой взгляд.

– Вы?! – бросает зло. – Быстро в дом!

Его тон пугает и я отступаю назад, мотая головой. Почему-то мне кажется, что ничем хорошим это не закончится для меня. Я ведь так и не знаю, что же тут произошло.

Но успеваю сделать всего шаг назад, как чувствую, что чьи-то руки берут меня грубо за предплечья, приподнимают и с силой толкают к дому.

Амир с сыном на руках заходит первым.

– В кабинет ее! – кидает он тому, кто тащит меня, и меня затапливают в комнату.

Тамерлан все еще плачет и мне больно слышать этот плач.

– Почему вы Тамерлана одного оставили? – рычит Амир. – У вас с головой все в порядке? Или это было сделано намеренно?

– Как «одного»? – шепчу дрожащими губами. – Он... он... там...

– Хорошо, что я решил вернуться пораньше, – не дает мне договорить Амир. – А если бы я не заметил коляску в кустах?! А?! Что было бы?!

Стук в дверь.

– Войдите! – рывкает Амир и в комнату заходит София.

Молча подходит и берет ребенка у мужчины. Бросает на меня быстрый сочувствующий взгляд.

Я ничего не понимаю. И с мыслями собраться не могу.

Как только дверь захлопывается, Амир оказывается совсем рядом.

– На кого ты работаешь? – цедит, впиваясь в меня взглядом.

– Я не понимаю, о чем вы... – шепчу в ответ, отступая от него. Пока не упираюсь в стенку. – Мы пошли гулять. И...

И тут его рука ложится мне на шею. Чуть сжимает. Хватаю его за запястья. Хочу убрать с себя эту железную хватку.

– Если мои люди подтвердят мои догадки, – он наклоняется и четко произносит каждое слово, сузив глаза. – Ты сильно пожалеешь.

– Отпустите меня! – хриплю я, чувствуя, как пальцы сильнее сжимают мое горло. – Я ничего не делала! Дайте же мне сказать! Вы ничего не знаете!

– Мне не надо ничего знать от тебя. Я и так все узнаю. Жалеешь, что твои дружки приехали позже меня? Не успели?

– Я не понимаю, о чем вы! Отпустите! Я...

– Ты хотела украсть Тамерлана?

– Нет! Вы что?! Я...

Вместо ответа он наклоняется так низко, что шепчет мне в самое ухо. Шепчет слова, которые режут больнее ножа:

– Я не буду убивать тебя. Но сделаю так, что ты сама захочешь умереть. Знаешь, что бывает, когда в камеру голодным мужикам кидают бабу?

У меня руки немеют. А ноги подкашиваются. Потому что то, что он говорит... Он ведь специально это говорит? Хочет причинить больше боли?

Я оседаю и лишь его хватка у меня на шее не дает мне упасть на пол.

– Говори! – рычит он. – Кто тебя подослал?! Кто?!

А я слова вымолвить не могу. В горле пересохло.

Амир убирает руку и я стекаю по стене на пол. Закрываю глаза.

Слышу тяжелые шаги.

Потом меня грубо тянут за плечо вверх и куда-то ведут. Толкают в темную комнату и закрывают там.

Я сажусь на пол и прячу голову в коленках. Меня пронимает дрожь.

Пытаюсь успокоиться и не могу. Руки не слушаются. Дрожат только сильнее.

Но я все еще не могу издать ни звука. Лишь жадно глотаю воздух ртом. И мне как будто не хватает воздуха.

Вновь и вновь в голове всплывают слова мужчины. Как молотком стучат.

Невыносимо.

Больно.

Безнадежно.

Сколько времени я провожу в комнате, не знаю. У меня с собой нет ни телефона, ни часов. Я сижу в полной тишине. И все мысли мои только о сыне.

Если меня сейчас убьют, то кто позаботится о нем? Я трезво оцениваю возникшую ситуацию, поэтому слез и истерики нет. Мне надо как-то объяснить все отцу мальчика. Неужели он и правда думает, что я хотела причинить зло Тамерлану?

Спрашивает о каких-то друзьях, о заговоре. Куда я попала?

В полумраке глаза привыкли достаточно быстро и я вижу в комнате стол и стул. Встаю и сажусь на него.

Странно, что тут нет ни одного окна. Только дверь.

Кладу голову на стол и закрываю ее руками.

Вдруг вижу в ногах яркую полоску света. Поднимаю голову – дверь приоткрыта. Свет оттуда падает.

Дверь раскрывается шире и в проеме появляется силуэт. Разглядеть его не получается, но я легко узнаю его. Это Амир.

Надо рассказать ему! А еще просить о пощаде. Ради Матвея. Он сам отец и поймет и меня.

Встаю, опираясь руками о стол, и чувствую головокружение. Нервы, все-таки, сдают.

Надо собраться, Катя. Потом будут и слезы, и истерики. Потом.

Поднимаю взгляд на лицо, которое оттеняет свет за ним.

– Я... – успеваю произнести и чувствую, что теряю контроль над телом. Скребу ногтями по дереву, пытаюсь удержаться, но все равно меня тянет вниз. Закрываю глаза и дальше темнота...

Прихожу в себя на какие-то секунды и чувствую, как в голову ударяет стук. Словно кто-то стучит по мне. Прислушиваюсь. Это стук сердца. Приоткрываю глаза и пальцами нащупываю горячую кожу и жесткие волосы. И в этот момент меня сильно сжимают.

Открываю глаза шире и понимаю, что я на руках у Амира и он несет меня куда-то. Пытаюсь оттолкнуть его, выбраться из рук.

– Тихо, – жесткий голос заставляет остановиться. – Не бойся.

А меня трясет. И он, наверняка, это чувствует. Но куда он несет меня?

Пальцами вцепляюсь в ворот его рубашки, пытаюсь оглянуться.

Я в своей комнате. Вернее, в комнате, в которой я проживаю, пока кормлю Тамерлана.

Мужчина кладет меня на кровать и мы встречаемся взглядом. Мне кажется, это длится вечность и на это время у меня дыхание замирает. И лишь сердце стучит сильнее и быстрее.

Губы пересохли и я от волнения облизываю их. И взгляд Амира тут же устремляется на них.

Он все еще так и стоит, склонившись надо мной. Я сжимаю пальцами покрывало и не отвожу от него взгляда. Мне сейчас страшно.

И он словно чувствует мой страх. Резко встает и отворачивается к окну.

– Не бойся, – произносит, как мне кажется, хрипло. Застегивает пиджак.

– Я... – пытаюсь приподняться на локтях.

– Потом, – отрезает он, подходя к двери. – Потом поговорим. Сейчас тебе нужен отдых.

И уходит. Закрывает за собой дверь.

Я еще какое-то время смотрю на нее. Трясу головой, прогоняя морок. Но встать не получается.

И я так и падаю на кровать и опять проваливаюсь куда-то в темноту.

Глава 8Катя

– Нервы ни к черту. Вроде, молодая совсем, но организм слабый, – чей-то мягкий голос возвращает меня в реальность. – Я напишу, что ей принимать надо. Учитывая, что она кормит грудью, выбор небольшой. Надеюсь, поможет.

– Это точно не навредит ребенку? – от этого голоса мне хочется сжаться.

– Не навредит. Не беспокойся, Амир. Но ей надо пропить курс. В таком состоянии она долго не протянет. И молоко может пропасть.

Пытаюсь повернуться и открыть глаза.

– О! Вот и в себя приходит. Как вы? – теплая рука ложится мне на скулу и поворачивает лицо на свет. – Все будет хорошо. Но вам надо побереечь себя. Так нельзя относиться к своему здоровью. У вас ребенок. Даже два, получается, – усмехается. – Откройте глаза.

И я повинуюсь его просьбе и приоткрываю глаза.

На краю кровати сидит пожилой мужчина. Лицо у него такое доброе и милое.

– Ну, вот и хорошо, – улыбается он. – Болит что у вас? Скажите что-нибудь, чтобы я уже спокойно уехал и не переживал, как вы.

– Пить, – мне кажется я даже не шепчу это, а лишь шевелю губами.

Внезапно приступ жажды. Я очень хочу пить.

Незнакомец берет стакан с тумбочки и помогает мне приподняться. Я залпом осушаю стакан и опять падаю. Прикрываю глаза, но ненадолго, потому что тут же вспоминаю:

– Тамерлан? – спрашиваю, обращаясь к незнакомцу, а не к Амиру. – С ним все в порядке? Я хотела бы покормить его.

– Вы слабы еще...

– Пожалуйста. Пусть принесут мальчика. Прошу вас. Я все равно не успокоюсь, пока не покормлю его.

Незнакомец переводит взгляд на отца Тамерлана, стоящего у двери. Они молча переглядываются и Амир выходит. Возвращается через минуту с мальчиком на руках. Подходит и протягивает мне.

Я стараюсь не смотреть на мужчину. Сразу же беру малыша.

– Ну, я пойду, – говорит незнакомец. Хоть у кого-то есть чувство такта.

Жду, пока он выйдет вместе с отцом Тамерлана, что-то обсуждая, и прикладываю малыша к груди.

И понимаю, как нужно мне было сейчас это кормление. Как мне становится спокойнее. Глажу Тами по головке.

Амир возвращается в комнату, когда я уже застегиваю блузку.

– София сейчас заберет Тамерлана, – говорит он.

– Я уйду. Не переживайте, – говорю, опустив взгляд.

– Вы останетесь здесь, – слышу в ответ.

Поднимаю на него взгляд. Пытаюсь понять хоть что-то.

– Я хотела сказать вам, – стараюсь говорить спокойно. – Я не делала того, в чем вы меня обвиняете. Это все вышло случайно. Мы...

– Не сейчас, – он опять обрывает меня на полуслове. – Вы же слышали, что сказал врач? Вам надо успокоиться и поправиться. Подумайте о детях. О своем сыне и о моем.

– Но я хочу, чтобы вы знали...

– Я знаю все, что мне надо знать. Остальное неважно, – сводит брови и взглядом дает мне понять, что разговор закончен.

Быстро переводит взгляд на малыша, разворачивается и выходит.

Два дня я провожу в комнате. На кормление малыша мне приносит София, но не произносит ни слова. Только улыбается едва заметно. На мои вопросы отвечает уклончиво. Словно ей запретили со мной общаться.

На третий день я чувствую себя гораздо лучше. Возможно, состояние нормализуется. Или, все-таки, таблетки, прописанные доктором, дают нужный эффект.

Утром я встаю и выхожу из комнаты.

Слышу знакомый голос на кухне и иду туда.

– Катя, ты зачем встала? Доктор разве разрешил? – София оборачивается на звук моих шагов.

– Мне уже лучше. София, ты не знаешь, Амир Каримович дома? Мне надо переговорить с ним.

Сажусь за стол и София ставит передо мной чашку с чаем.

– Уехал хозяин. Вот в ту ночь и уехал, когда все это произошло. Видно нелегко ему.

Поднимаю на нее удивленный взгляд. Не совсем понимаю, о чем она.

– Катерина, – говорит София и кладет руку мне на плечо. – Всем тяжело. А ему особенно. Сложно это все.

– Я не понимаю, София. Ты говоришь загадками. Но ты же веришь, что я не хотела сделать ничего плохого Тамерлану? Веришь? Это все случайность. А где Изольда? С ней все в порядке?

– Изольда в магазине с водителем. Все в порядке с ней, – вздыхает Катя. – Я не могу тебе всего рассказать, Катя. Ты уж прости. Думаю, хозяин сам расскажет, если захочет. Я не буду влезать в эти дела.

– Понимаю, – киваю я. – Не понимаю только одного. Если меня обвиняют в чем-то, то почему не дают уйти? Мне кажется, будет правильным, если я уйду. Сейчас. Пока отца Тамерлана нет.

– Нет-нет! – восклицает она. – Ты что?! И не вздумай! Хозяин запретил выпускать тебя куда-либо. Так что и не получится у тебя уйти. Даже не пытайся. Только хуже сделаешь. Разозлишь его.

– Но я свободный человек и я тут работаю всего лишь. Я же не рабыня. Что значит «запретил выпускать»? Я не его собственность.

– Катя, не кипятись. Успокойся. Вредно тебе нервничать. Да и не стоит это того. Хозяин не плохой человек. Сложный, да, но не плохой. Я думаю, он все правильно оценил. Не спорь. Просто дождись его возвращения. Думаю, он сам захочет с тобой поговорить.

– Хотел – сделал бы это раньше, – бурчу я. Ставлю чашку на стол и встаю. – Пойду пока вещи соберу. Когда-то же он вернется и я смогу уйти. Тяжело мне здесь находиться. Да, деньги нужны, но у меня есть запасной вариант. Придется им воспользоваться.

– Да, не спеши ты! – София берет меня за руку и тянет из комнаты. – Пойдем.

– К Тамерлану?

– Нет, мальчик спит еще, – кивает на видеоняню, где на мониторе виден спящий малыш.

И София ведет меня в большую комнату. Я ни разу не заходила в нее. Знаю, что там любит сидеть хозяин. Один. Поэтому и избегала туда даже заглядывать.

– А он точно уехал? – вот и сейчас я словно боюсь чего-то. Уточняю на всякий случай у Софии.

– Кто? Хозяин? Да. Его сегодня точно не будет. Ты боишься его, да? – останавливается и смотрит мне прямо в глаза.

– Нет, конечно, – вру я. – Он мне никто. Зачем мне его бояться? Тем более, уверена, что следующая наша встреча будет последней. Не вижу смысла своего дальнейшего нахождения здесь. Думаю, что он тоже...

И тут я осекаюсь. Замираю с открытым ртом, так и не договорив.

Мой взгляд устремлен на портрет, висящий на стене рядом с камином. Портрет красивой молодой женщины. Но не это главное. Я замираю от другого. Кого-то мне эта женщина напоминает. Но кого?

Так и смотрю на нее, пока мой взгляд не соскальзывает на большие часы, отбивающие очередной час. Внизу часов зеркало и я вижу свое отражение.

Внутри холодеет.

Опять смотрю на портрет. Не может быть. Почему?

София, похоже, замечает мое замешательство. Берет меня за руку и гладит по ладони. Поворачиваюсь к ней с немим вопросом.

А она лишь кивает в ответ.

– Кто это? София, кто нарисован на портрете?

– Это жена Амира Каримовича, – отвечает она и я собираю остатки сил, чтобы не упасть.
– Покойная жена, Катя. Ее нет уже почти год. Татьяна Александровна. Так ее звали. Тебе ничего не говорит это имя?

Растерянно мотаю головой. Впервые слышу это имя и впервые вижу эту женщину.

– Вы очень похожи, – наконец, София произносит вслух то, о чем я боюсь даже подумать.
– Это странно. Мне кажется, не только я вижу это сходство.

Я оглядываюсь и, найдя взглядом диван, иду к нему. Сажусь и замираю. Опять смотрю на портрет.

София подходит и садится рядом.

– Я посчитала нужным показать тебе, Катя. Думала, может, ты что-то знаешь.

– Нет, я ничего не знаю, – произношу тихо. – Я не знаю эту женщину. А сколько ей было лет? Что с ней случилось?

– Я не должна говорить тебе этого, – София хмурится. – Это запрещено обсуждать в доме. Прости, Катюш, но нет. Зря я, наверное, показала тебя. Зря. Прости. Пойдем. Не надо, чтобы нас тут видели.

И она встает и тянет меня за руку.

– Прости, София, я хочу одна побыть, – говорю ей, а у самой мысли скачут в голове.

– Конечно, – кивает она. – Катя, – ждет, пока я посмотрю на нее, – прошу, никому не рассказывай. Я не должна была. Уже жалею. Я думала, что будет лучше, что ты что-то вспомнишь или поймешь. Но, чувствую, сделала только хуже. Катя, умоляю, не говори хозяину.

– Я никому не скажу. Не переживай, София, – пытаюсь улыбнуться ей. – Никто не узнает. Прости, я пойду.

Глава 9Катя

Портрет незнакомой, но так на меня похожей женщины, не дает мне покоя. Кто она?

Мне хочется еще раз увидеть ее и в обед я, оглядываясь, чтобы никто не заметил, иду в комнату.

Возможно, мне просто показалось? Еще раз всматриваюсь. Наверное, я зря себя накручиваю. Да и София сыграла свою роль. Именно ее эмоции заставили меня думать, что мы похожи. Да.

Я успокаиваю себя, разглядывая портрет.

Там совершенно другая женщина. Ухоженная, с гордой осанкой. Волосы светлее чем у меня.

Да, есть что-то общее, но мало ли похожих чем-то людей? Просто есть небольшое сходство.

Также незаметно убегаю к себе.

Еще один вопрос не дает мне покоя.

Если жена Амира умерла, то кто родил Тамерлана? Я никогда не интересовалась, кто его мать. Думала, что она умерла при родах, раз хозяин вдовец.

Но сейчас все оказывается по-другому?

Хотя какая мне разница? Я здесь, чтобы кормить малыша и заработать денег для своего ребенка. А все эти их тайны меня не касаются.

Поэтому стараюсь не думать об этом. Постепенно это все отходит на второй план.

Я занимаюсь с Тамерланом. И из клиники звонили, что все готово к операции. Остаются какие-то дни. Это все очень волнительно, но я испытываю радость.

Скоро мой мальчик будет рядом со мной.

На следующий день все идет как обычно. Хозяина все еще нет и поэтому я чувствую себя немного спокойнее. Его присутствие заставляет меня волноваться. Я никогда не знаю, что от него ждать. А еще трудно выдерживать его взгляд.

Вечером, после ужина, я собираюсь пойти к себе. Тамерлан стал хорошо спать по ночам, иногда просыпается всего один раз за ночь. И вообще он очень хороший и спокойный ребенок. Когда он улыбается мне, то слезы подступают к глазам. Наверное, я буду скучать по нему. Привыкла.

Выхожу из кухни и меня окликают один из охранников:

– Екатерина Валерьевна, Амир Каримович хочет с вами переговорить.

Он что? Вернулся? Сердце начинает стучать быстрее и быстрее.

Вот и провела спокойно вечер.

– Хорошо, – отвечаю вслух. – Где? Куда мне подойти?

– Он не дома ждет вас. Спускайтесь к машине, – и уходит.

Осматриваю себя. Надо бы переодеться. Быстро сбегая по лестнице к себе, надеваю платье. Один взгляд в зеркало и поправляю волосы.

– София, я ненадолго, – захожу в комнату малыша. – Амир Каримович приехал, хочет поговорить. Если Тами проснется, позвони мне.

– Хорошо, Катюш, – улыбается София. – Красивое платье.

Киваю и иду к машине.

Водитель привозит меня к незнакомому дому. Помогает выйти из машины и провожает до двери. Мне открывают и я оказываюсь в большом украшенном холле, где много людей. Все такие красивые. На их фоне я чувствую себя неловко.

Я никогда раньше не была на таких мероприятиях. Может, водитель ошибся и не туда привез меня? Это же какая-то вечеринка. И отца Тами не видно.

Разворачиваюсь, чтобы уйти, но меня перехватывают за локоть. Быстро перевожу взгляд на незнакомого мужчину. Он улыбается и произносит:

– Куда же вы? Только пришли. Вы с кем-то? Или одна?

Собираюсь ответить, что, наверное, попала сюда по ошибке, но тут замираю. Потому что за спиной у мужчины появляется Амир. Смотрит хмуро.

– Здравствуйте, – выдавливаю из себя.

Мужчина, который держит меня за локоть, поворачивается.

– Амир! Твоя знакомая? – спрашивает, отпуская меня.

– Прислуга, – цедит он в ответ и я стискиваю зубы, чтобы не ответить ничего.

Хотя... он ведь прав. Я прислуга. Тогда зачем я здесь? Чтобы лишний раз унижить меня?

– Простите, я пойду. По-моему, меня не туда привезли, – говорю я, разворачиваюсь и берусь за ручку двери.

И тут же на мою руку ложится твердая ладонь. Сцепляет пальцами и убирает с ручки двери.

Поднимаю взгляд – Амир строго смотрит на меня.

– Вас привезли туда, куда надо. И прошу вас вести себя подобающим образом.

– Может, мне лучше уйти? – спрашиваю прямо. – Чтобы не испортить впечатление ваших знакомых о вашей прислуге? Боюсь, у меня нет навыков поведения в таком обществе.

– Вы научитесь, – отвечает жестко, берет меня за локоть и куда-то тянет.

– Куда вы ведете меня? – пытаюсь освободиться, когда он ведет меня сквозь толпу.

– Успокойтесь, Катерина Валерьевна, – наконец, мы останавливаемся возле одного из столиков. Амир сажает меня и сам садится рядом.

– Объясните мне, пожалуйста, – прошу я. – Что все это значит? Зачем я здесь?

– Выпьете чего-нибудь?

– Нет, конечно. Вы забыли? Я вашего сына кормлю.

– А я про сок, Катерина Валерьевна, – с ухмылкой смотрит на меня.

Черт. Он прав. Я сама предположила плохое.

– Нет, спасибо. Я хотела бы домой поехать, – пытаюсь встать, но он держит меня за руку.

– Сидите, – опять хмурится. – Почему вам все время надо делать все наперекор мне?

Я даже не знаю, что ответить. Потом нахожусь.

– Я прислуга, – напоминаю ему. – И выполняю ваши поручения в рамках нашего договора. Но не помню пункта о том, чтобы сидеть с вами, если мне этого не хочется.

Амир ухмыляется.

– Да, вы правы. Простите, – произносит. – Это было неправильно. Вы не прислуга. Прошу прощения.

– Хорошо. Я вас простила. Могу я теперь уйти? – смотрю ему прямо в глаза.

– Нет, – опять жесткий голос. – Я хочу, чтобы вы остались здесь. Хорошо. Я прошу вас остаться со мной.

– Зачем?

– Мне нужна спутница на вечер, – пожимает плечами как ни в чем ни бывало и откидывается на спинку стула. – Тамерлан спит. София сделает все, как надо. Вы можете спокойно остаться. К тому же нам ведь надо поговорить. Так? Думаю, лучше места не найти. Вы на нейтральной территории, а значит, не будете так бояться меня, как обычно.

– С чего вы взяли, что я боюсь вас? – забираю у него свою руку и хмурюсь.

– Вижу, Катерина Валерьевна. Я все вижу. Разве я не прав?

– Мне кажется, это бесполезный разговор, – отвечаю. – Я не понимаю, чего вы хотите.

– Откровенности, Катерина Валерьевна, откровенности. Красивое платье, – окидывает меня взглядом. – Дешевое, но красивое. Хотя вам пошел бы другой цвет.

Его слова заставляют меня сложить руки на груди. Хочется закрыться, а лучше – уйти.

– Вы переоделись, узнав, что я хочу переговорить с вами, – легкая ухмылка на его лице, но глаза все также холодны.

К чему он ведет?

– Вы ведете какую-то игру, Катерина Валерьевна, и я ее разгадаю. Поэтому просто даю вам шанс самой все рассказать мне, – продолжает непонятный мне разговор Амир.

Качаю головой.

– Вы знаете, с каждой нашей встречей я все больше и больше убеждаюсь, что должна уйти. Я не понимаю вас.

Поднимаю на него взгляд. Он сидит с каменным лицом. Теперь на нем нет даже ухмылки.

– Убеждаетесь и не уходите, – произносит он. – Странно, правда? Что же вас держит?

Долго смотрю на него. Хочет откровенности?

– Наверное, то, что мне нужны деньги на операцию сыну. А еще Тами... Тамерлан. Мне жалко мальчика. Он же не виноват, что... – и осекаюсь.

– Что у него такой отец? – он легко угадывает недосказанное.

Молчу.

– Мне лучше уйти, – я встаю и тут за спиной слышу женский голос:

– Амир? Все-таки, пришел? Что же ты не подойдешь?

Оборачиваюсь и вижу женщину в возрасте. Она тут же переводит взгляд на меня. Смотрит с интересом. Я бы даже сказала, с каким-то слишком большим интересом.

– Это с тобой? – хмурится.

Амир встает и кладет мне на талию руку. Я тут же беру его за ладонь, чтобы убрать ее, но он ловко перехватывает мою руку и прижимает к телу. Чуть надавливает, притягивая меня к себе.

– Да, Ольга Сергеевна, моя спутница. Екатерина. Вы знакомы?

– Нет, конечно, – женщина поправляет прическу и еще раз бросает на меня быстрый взгляд. Потом протягивает руку, – я Ольга Сергеевна. Хозяйка дома. И бывшая теща Амира.

Стою и не знаю, как реагировать.

Получается, эта женщина – мать той незнакомки с портрета. Мать погибшей жены Амира. А он стоит и прижимает меня к себе. При ней! Тем более, учитывая, что нас ничего такого не связывает.

Злюсь на него еще больше. Предпринимаю попытку освободиться. Бесполезно.

– Приятно познакомиться, – произносит женщина. – Амир, ты уже разговаривал с Георгием? Он искал тебя.

– Нет, – отвечает Амир. – Плохо искал, значит, – усмехается. – Вы же нашли.

– Ладно, Амир. Пойду к гостям. Оставляю тебя с твоей спутницей.

Едва заметно кивает и уходит.

– Пустите же меня, – шиплю я и убираю, наконец, его руку с себя. – Что за спектакль вы устроили? Обо мне подумали не пойми что. Неужели вам настолько плевать на других людей?

– Я доплачу, – наклоняет голову и убирает руки в карманы брюк. – За неудобства доплачу вам. Вам же нужны деньги?

Ничего не отвечаю. Зло смотрю на него, разворачиваюсь и решительно иду к выходу. Водитель оказывается тут же. Просто открывает мне дверь машины и я сажусь.

Он привозит меня к дому.

Открываю входную дверь, делаю шаг и врезаюсь во что-то твердое. В комнате темно и я не вижу, что же встало на моем пути. Отшатываюсь и чувствую, как сильные руки хватают меня за предплечья и больно сжимают. Замираю. Вглядываюсь в темноту и меня ослепляет блеск глаз.

Тот, кто держит меня, делает шаг в сторону и в слабом отблеске луны я вижу Амира.

Громко выдыхаю. Как безмолвный крик. Это единственное, что я могу сейчас сделать. Потому что в следующую же секунду мои губы накрывают губы мужчины.

Дрожь проходит по телу. То ли от страха, то ли от какого-то нового, незнакомого мне чувства.

Я вцепляюсь пальцами в полы его пиджака.

Когда осознание происходящего возвращается ко мне, я пытаюсь вырваться из этого пугающего меня теперь поцелуя. Но Амир не отпускает. Его щетина до мурашек скребет по моей коже и я чувствую, как его жесткие губы жадно впиваются в меня, не давая сделать ни вдоха.

Когда проходит первый шок, первое, что я ощущаю, что хватка Амира не ослабла. Скорее, наоборот, стала сильнее. И он еще ближе стал ко мне. Наши тела соприкасаются и кажется, что я даже чувствую стук его сердца.

Он продолжает целовать меня и мне становится страшно. Накатывают ощущения, которые я старательно пытаюсь забыть.

Хочу поднять руки, но Амир крепко держит их. Не пошевелиться. Даже голову не повернуть.

И тогда я решаюсь сделать то, что однажды почти спасло меня. Приоткрываю рот и, всосав нижнюю губу Амира, кусаю ее. Не сильно, но ощутимо.

Он тут же отстраняется и хватка рук ослабевает. Я отталкиваю его и пячусь назад, боясь отвести от него взгляд. Боясь его дальнейших действий.

– Катерина, – тихо произносит он, делая шаг ко мне.

Я в немом страхе мотаю головой и срываюсь с места. Быстро сбегая по лестнице, оказываюсь в своей комнате и закрываю дверь. Поворачиваю замок. Хотя бы этого меня не лишили здесь.

Прислоняюсь к двери. Слышу, как бешено стучит сейчас мое сердце. Господи, что же это? Зачем он сделал это?

Слышу шорох за дверью. Замираю. Не двигаюсь и, наверное, даже не дышу.

– Екатерина, – доносится голос Амира сквозь дверь.

Зажимаю рот рукой.

– Катерина, не бойся. Открой мне, – просит он. – Нам надо поговорить. Я ничего не сделаю тебе плохого. Катерина, открой! – и потом легкий удар в дверь.

Я отшатываюсь в ужасе. Зажмуриваюсь и трясую головой. Опять подхожу к двери и произношу как можно тверже:

– Уходите. Уходите, Амир Каримович. Я буду кричать.

Потом слышу лишь отдельные звуки, бормотание. Не понимаю, что именно он говорит, но по тону понимаю, что он зол.

Вцепляюсь в ручку двери. Сердце готово выскочить из груди. Давно я не испытывала такой страх. Так давно, что стала привыкать.

Воцаряется тишина. Все мое внимание концентрируется на слухе. Но за дверью ничего не происходит. А я так и стою, взявшись за ручку. Сколько времени проходит? Не знаю. Мысли в голове путаются.

Вдруг ручка резко дергается. Опять он?! Опять паника.

– Катюш, – голос Софии сейчас я рада слышать как никогда прежде, – Тамерлан проснулся. Катюш, ты здесь? Катя?

Поворачиваю ключ в замке и приоткрываю дверь. Быстро оглядываю коридор. Кроме Софии никого.

Амир ушел?

– Что-то случилось, Кать? – София угадывает мое волнение.

– Все в порядке, – пытаюсь улыбнуться и иду к малышу.

После кормления перекладываю его в кроватку и осматриваюсь.

– София, – говорю тихо, – не возражаешь, если я сегодня тут прилягу? С вами. На диване вот.

– Конечно, ложись. А что-то случилось? С чего ты вдруг решила?

– Мне как-то неуютно сегодня одной в комнате. Воспоминания накатывают. Потом объясню, а то Тами разбудим.

– Хорошо-хорошо. Ложись, конечно. Вот, покрывало, возьми.

Мы укладываемся и через какое-то время до меня доносится мерное посапывание Софии. Она засыпает, а я все еще не могу успокоиться. Прислушиваюсь к каждому шороху. Мне кажется, что я слышу шаги или голос. Хотя уверена, что это лишь кажется мне.

В итоге я так и не засыпаю. Проваливаюсь на мгновение в полудрему, но тут же вздрагиваю. Страх не дает мне уснуть.

Встаю рано. Кормлю Тами и решаю, все-таки, вернуться к себе. Не буду же я отсиживаться постоянно в комнате ребенка. К тому же при утреннем свете страх отступает и все уже не кажется таким ужасным. Хотя, вспоминая вчерашний поцелуй, я до сих пор не могу поверить в его реальность.

И главный вопрос – что теперь делать? Запаха алкоголя я не почувствовала. Значит, Амир был трезв. И это пугает еще больше.

Тихо, чтобы не разбудить Тами, выхожу из комнаты и иду к себе. Кутаюсь в халат, который дала мне София.

Переступаю порог своей комнаты и закрываю дверь. Опять поворачиваю ключ. Так мне будет спокойнее. Не успеваю обернуться, как голос, раздающийся из комнаты, буквально пригвозждает меня к двери.

– Я думал, так и не дождусь вас.

Глава 10Катя

И обернуться боюсь, но и стоять так тоже не вариант. Наконец, собираюсь духом и поворачиваюсь. В кресле возле окна сидит Амир. Локти на подлокотниках, подбородок упирается в скрещенные пальцы. Он смотрит на меня.

– Что вы здесь делаете? – спрашиваю, не убирая руку с ручки двери. Замок еще закрыла зачем-то! Быстро выбежать не получится.

Амир встает, поправляет ворот рубашки и делает шаг ко мне. Внимательно слежу за каждым его движением. Он останавливается в метре от меня и мне тяжело выдержать его взгляд. Он смотрит мне прямо в глаза. Что в этом взгляде? Я не могу понять.

Потом он опускает взгляд и словно рассматривает халат на мне. Я инстинктивно кутаюсь в него и беру за пояс.

– Переодевайтесь, – произносит Амир неожиданно.

– Зачем? – задаю глупый вопрос. – Что вы задумали?

Его поведение пугает меня.

– Катерина, переодевайтесь. Или я сам сделаю это, – и еще шаг ко мне.

Пячусь назад.

– Выйдите, – говорю я ответ. – Я не буду переодеваться при вас.

– Или вы переоденетесь и сейчас же. Или это сделаю я. Я даю вам шанс. Воспользуйтесь им. Я никуда не уйду. У меня нет желания играть в прятки с вами.

Подходит ко мне и кладет свою ладонь на мою руку, которой я держу ручку двери. С нажимом убирает ее, но не отпускает. Опять смотрит мне в глаза. Поворачивается и идет к шкафу, тянет меня за собой. Открывает дверцу шкафа, бегло осматривает мои несколько вещей. Чуть слышно усмехается. А потом. Потом он поворачивается ко мне и хватается за пояс халата. Тянет его.

Я в ужасе бью его по рукам и он тут же убирает их. Смотрит на меня удивленно.

– Я сама, – произношу зло и слышу, как сердце забивается в бешеном ритме.

Хватаю первое попавшееся платье и убегаю в ванную. Конечно, при нем я не буду переодеваться!

В ванной дверь закрываю на защелку и долго смотрю на себя в зеркало.

Господи, что происходит? Что ему надо?

Быстро переодеваюсь, но долго стою перед закрытой дверью. С закрытыми глазами считаю про себя, пытаюсь успокоиться.

Но не сидеть же здесь вечно. Поэтому отодвигаю защелку и выхожу.

Амир с ухмылкой смотрит на меня. Проходится по мне взглядом.

– Мда, – произносит как-то недовольно, что ли.

Потом подходит и берет меня за запястье. Тянет за собой.

– Пустите меня! – возмущаюсь я. – Что вы себе позволяете? Что вообще происходит? Амир Каримович!

Он оборачивается и приставляет указательный палец к своим губам.

– Тшшш, Тамерлана разбудите. И Софию напугаете. Хватит уже бояться. Я всего лишь приглашаю вас на прогулку. Утреннюю прогулку. Или вы хотите остаться со мной в вашей комнате наедине?

Изумленно смотрю на него и мотаю головой.

– Ну вот. Поэтому просто идите за мной.

Мы спускаемся вниз и я как под гипнозом сажусь в машину. Амир садится за руль. Куда-то едем. Я закрываюсь, руками обняв себя и смотрю в окно. Мне даже спросить у него страшно. Эти полунамеки пугают меня. И он хранит молчание. Ни слова больше. Осторожно перевожу

на него взгляд – нахмутив брови, Амир смотрит вперед на дорогу. Кажется, он даже не замечает мой взгляд.

Машина останавливается возле какого-то магазина. Амир выходит сам и открывает мою дверь, подает руку. Но я выхожу из машины сама. Осматриваю здание.

– Куда вы привезли меня? Что это?

– Вы так хорошо молчали всю дорогу, – отвечает он. – Не портите все сейчас.

Сам берет мою руку и ведет внутрь. Там, на входе, нас встречает милая девушка. Здоровается с Амиром, потом переводит взгляд на меня и, как мне кажется, с удивлением рассматривает. Потом часто моргает и приоткрывает рот. Мне некомфортно под ее пристальным взглядом.

– Сделайте все, как обычно, – приводит девушку в чувство Амир и за талию подталкивает меня к ней.

Она молча кивает и опускает взгляд.

Амир выходит и мы остаемся вдвоем. Девушка бросает еще один взгляд на меня, но тут же убирает его. Куда-то уходит и приносит несколько вешалок с одеждой.

– Вам подойдет вот это, – протягивает мне. – Примерьте. Здесь примерочная, – показывает на белую штору.

– Подождите, – прошу я и решительно шагаю к двери.

Открываю ее, делаю шаг и врезаюсь в чью-то спину. Это Амир. Я отшатываюсь, он оборачивается и оглядывает меня.

– Не понравилось? – удивленно приподнимает бровь.

– Я не понимаю, зачем это все? может, вы все же объясните мне? – требую я, пытаюсь скрыть раздражение в голосе.

– Все просто, Катерина. Я хочу поехать с вами в ресторан, чтобы поговорить. Но меня не устраивает ваш внешний вид. Вернее, ваша одежда. Вернитесь к консультанту и примерьте то, что она вам предложит, – строго смотрит на меня. Я не двигаюсь с места и тогда он добавляет уже мягче: – считайте это небольшой премией за то, что вы отлично справляетесь со своими обязанностями. Тамерлан доволен и это главное. Вы смогли успокоить его. Я хочу отблагодарить вас за это.

– Я бы предпочла получить премию деньгами, – горько усмехаюсь.

Вдруг Амир берет меня за подбородок и поднимает его. Смотрит прямо в глаза.

– Деньги, деньги, деньги. Неужели, только это волнует вас? Неужели у вас это в крови? Раз вы не понимаете по-другому, тогда так: вы сейчас же возвращаетесь и надеваете то, что вам дадут в салоне. Или... – усмехается. – Или я звоню доктору и отменяю операцию.

Злой блеск вспыхивает в моих глазах.

Это жестоко.

Зря я пыталась увидеть в нем хоть что-то человеческое.

Зажмуриваюсь на мгновение и, когда открываю глаза, цежу, чувствуя, как сильнее он сжимает пальцы на моем подбородке:

– Хорошо.

– Вот такой вы мне нравитесь больше, – ухмыляется Амир и отпускает меня.

Забегаю опять внутрь. Консультант уже ждет, молча с улыбкой протягивает мне платье. Короткое черное платье, очень красивое. Оно облегает мою фигуру и черные кружевные вставки то и дело привлекают внимание, когда я осматриваю себя в зеркало.

У меня не было таких вещей. Мне кажется, если бы даже у меня были деньги, я не купила бы такое платье. Потому что в нем я слишком привлекаю чужое внимание. Я это чувствую.

Особенно это чувство усиливается, когда я выхожу к Амиру. Услышав меня, он оборачивается и впивается в меня взглядом. Медленно проходит по фигуре и, когда наши взгляды встречаются, я не в силах выдержать это, отворачиваюсь.

– Вы довольны? – больно стискиваю свое же запястье у себя за спиной.

– Мне нравится, – слышу усмешку. – Нравится, что вы хотите, чтобы я был доволен.

Сжимаю губы.

Надо промолчать. Не надо поддаваться на провокации. Не надо.

– Пойдемте, Катерина, – говорит он. – Или мне опять вести вас за руку? Я начинаю думать, что вы намеренно провоцируете меня на телесный контакт.

Вспыхиваю. Поднимаю взгляд на самодовольную ухмылку. Но молчу.

Это он сейчас провоцирует меня. Я вижу это. Провоцирует. Но нет. Я буду умнее. Поэтому сама делаю шаг.

Амир открывает входную дверь и пропускает меня. Это неприятно ощущать сзади его взгляд. А я уверена, что он смотрит.

– Вам тоже нравится, – слышу в спину.

Оборачиваюсь. Мы как раз подходим к машине.

– Что? – спрашиваю, складывая руки на груди.

– Платье. Нравится. Екатерина. Ведь так? Можно сколько угодно кривить лицо, но внутри вы чувствуете совершенно другое. Ведь так?

– Не так.

– А врать нехорошо. Больше всего в жизни я не люблю ложь, – хмурится. Как же резко у него меняется настроение! – Не заставляйте меня опять прибегать к крайним мерам. Садитесь! – кивает на машину. Но дверь не открывает в этот раз. Обходит автомобиль и садится за руль.

Мы опять едем молча.

Сложно с этим человеком. Очень сложно. Такое ощущение, что он решает не только за себя, но и за меня. Решает и потом злится, если я поступаю иначе.

– Вчера я познакомил вас с женщиной. Со своей бывшей тещей, – внезапно произносит он.

Смотрю на него с опаской.

– Вы точно ее впервые видели? – тормозит на парковке и поворачивается ко мне.

– Я даже не запомнила ни ее имя, ни лицо, – пожимаю плечами. – Вчера в том доме я не встретила ни одного знакомого мне человека.

Вместо ответа он долго смотрит мне в глаза. Думает, я вру?

Потом выходит из машины и подходит к моей двери, открывает ее.

– Куда вы привезли меня? – оглядываю странное здание.

– Я хочу кое-что показать вам, – ухмыляется уголком губ. – А потом мы поговорим.

Опять взглядом своих черных глаз словно сканирует меня, с головы до ног и обратно.

– Черт, – сжимает губы и громко выдыхает. Сильнее стискивает мою руку. – Не смотрите на меня так, – просит внезапно и я не понимаю. Наоборот, не убираю взгляд с него. – Не провоцируйте.

Часто моргаю.

Чувствую, как он за руку тянет меня к себе.

– Опасно, Екатерина, – щурится и поднимает вторую руку, но замирает. Останавливается в каких-то сантиметрах от моего лица. Потом сжимает ее в кулак и опускает. Зажмуривается.

А я, мне кажется, не дышу.

Что с ним?

– Пойдемте, – резко разворачивается и тянет меня к зданию.

Вначале темный коридор и полоска света впереди. Я иду за Амиром и чувствую его пальцы на своей руке.

– Почему вы дрожите? – он вдруг останавливается и поворачивается ко мне. – Вам холодно или опять страх?

Берет меня за подбородок и смотрит в глаза.

– Что происходило в вашей жизни, что вы настолько пугливы?

Я молчу. Не знаю, что ответить ему.

Амир отпускает меня и мы идем дальше. Подходим к двери и он толкает ее.

– Ой! – вырывается у меня.

Перед нами загон с лошадьми. Огромное светлое помещение.

Амир отпускает мою руку и я, не сводя взгляда с красивых животных, иду вперед.

– Вам нравятся лошади? – слышу вопрос сзади.

– Не знаю, – оборачиваюсь. Амир внимательно следит за мной. – Я впервые вижу их вживую. Они красивые. Можно подойти ближе?

Амир открывает одну из калиток и приглашает меня внутрь стойла.

– Это самая спокойная, – показывает на серо-белую лошадь с длинной гривой. – Хотите погладить?

Почему-то рядом с этими животными я забываю обо всем. И даже на Амира не обращаю внимания.

– Хотите прокатиться? – неожиданно спрашивает он.

Оборачиваюсь и мотаю головой.

– Опять боитесь? – ухмыляется. – Может, пора начать избавляться от своих страхов? – смотрит куда-то и зовет: – Виктория!

Из-за стога сена выходит девушка.

– Виктория, это Екатерина Валерьевна, – представляет меня Амир. – Покажите ей Сусанну. Екатерина Валерьевна ни разу не каталась на лошадях. Помогите ей.

– Хорошо, Амир Каримович, – улыбается она и обращается уже ко мне: – Пойдемте? Вам надо будет переодеться.

В комнате, где стоят какие-то кубки, а вся стена увешана фотографиями с лошадьми, Виктория помогает мне переодеться. Такая непривычная одежда. Впрочем, платье тоже словно чужое.

Когда мы появляемся вновь, Амир о чем-то разговаривает по телефону, отвернувшись к окну. Виктория помогает мне забраться на лошадь и показывает, как и за что держаться. Потом сама за уздечку медленно ведет лошадь вместе со мной.

Я сижу, вцепившись в упряжку. Мне и страшно, но и нравится это.

– Вы хорошо держитесь! – подбадривает меня Виктория. – Сусанна приняла вас. Почувствовала.

– А можно ее погладить сейчас? Когда я на ней?

– Конечно, – улыбается.

Я провожу рукой по мягкой шерсти, лошадь слегка дергает головой, но продолжает спокойно идти. Я даже расслабляюсь немного.

Но тут раздается громкий возглас Амира:

– Что значит «не может»?! Я не спрашивал, что он может! Чтобы вечером информация была у меня!

Мы с Викторией устремляем взоры на него. А он ударяет кулаком в воздух и со всей силы пинает стоящее рядом ведро. Оно летит в стену с грохотом. И я чувствую, что лошадь этого пугается. Хрипит, мотает головой, а потом подпрыгивает на задних ногах. Я, вроде, не ослабеваю хватку, но все равно теряю равновесие и падаю

– Сусанна, тихо! – слышу голос Виктории и она отводит от меня лошадь.

Пытаюсь встать и ощущаю острую боль в ноге. Морщусь.

– Что с вами? – ко мне подходит Виктория. – Встать сможете? Извините, пожалуйста! Это я виновата, не досмотрела. Не удержала Сусанну. Давайте я помогу.

– Спасибо, – отвечаю, продолжая морщиться. Все равно движение ногой доставляет боль.

– Вы не виноваты.

– А кто виноват? – голос Амира раздается сверху. – Идите, Виктория. Я помогу Екатерине Валерьевне.

Девушка послушно кивает и возвращается к лошади.

– Договаривайте. Я виноват? – он садится передо мной на корточки.

Смотрит сначала в глаза, а потом переводит взгляд на ногу, за которую я держусь. Убирает мою руку и касается ноги своими горячими пальцами. Чуть нажимает и я ойкаю.

– Неужели, повредили? – хмурится Амир. Аккуратно обхватывает меня и поднимает на руки.

– Не надо, – прошу я.

– Вы здесь хотите остаться? – спрашивает строго и, не дождавшись ответа, уносит меня. Заходит в какую-то комнату и сажает на диван. И начинает расстегивать обувь на мне.

– Что вы делаете? – хватаю его за запястье.

– Ногу осмотреть хочу, – второй рукой убирает мою ладонь. – Успокойтесь, Екатерина. Надо осмотреть. Если что-то серьезное, то без врача не обойтись.

Наверное, он все же прав.

Амир с серьезным лицом ощупывает мою ногу, осматривает ее.

– На мой взгляд, ничего серьезного. Так больно? – поворачивает ступню.

– Нет.

– Попробуйте сейчас встать, – тянет меня вверх.

Я с опаской, но приподнимаюсь.

– Ну вот. Ничего страшного. Только Сусанну напугали.

– Я?! – смотрю на него возмущенно.

– Ну, раз вы можете ходить, предлагаю кое-куда отправиться и посидеть в тихом месте, – вполне спокойно отвечает Амир.

– Мне домой надо и... переодеться бы, – осматриваю себя. – Домой, – поднимаю взгляд на него. – Тамерлана кормить скоро.

– Не волнуйтесь. София справится.

Я хмурюсь.

– Вы же оставляете молоко на всякий случай. Каждый день. София покормит.

– Но это на случай, если что-то случится со мной.

– Ну, вот и случилось, – ухмыляется. – Сейчас именно тот случай. Сами пойдете к машине или вас отнести.

– Я сама, – отвечаю строго, а Амир лишь усмехается опять.

– Жду вас у машины. Переодевайтесь.

Когда за ним закрывается дверь, я вздыхаю. Мне все это не нравится. Но кого это волнует?

Переодеваюсь опять в платье и выхожу.

Амир привозит меня в какой-то ресторан. Там нас провожают до столика в дальнем углу. Мужчина делает заказ, а я просто сижу, перебирая от волнения пальцы под столом. Чтобы он не видел.

Официант отходит от столика и Амир откидывается на спинку стула. Не стесняясь, осматривает меня.

– Расскажите мне про свою семью, – произносит, отпивая из бокала. – Кто ваши родители?

– У меня обычная семья, – пожимаю плечами. – Правда, родители развелись несколько лет назад. Я живу с мамой и братом. Старшим братом.

– Вы приемный ребенок? – спрашивает неожиданно.

Удивленно смотрю на него. С чего он взял?

– Нет. Странный вопрос. Амир Каримович, – выпрямляюсь и стараюсь не отвести взгляда от него. – Тогда... в тот день... это была случайность. Я пошла за телефоном. Изольда Игоревна осталась с Тамерланом. Я бы никогда не оставила его одного, – смотрю на него. Он молча слушает, не перебивает. – Надо поговорить с Изольдой Игоревной. Наверное, что-то случилось. Уверена, она бы тоже не оставила малыша одного. Это все стечение обстоятельств. Я не знаю...

– Успокойтесь, Катерина, – усмехается он. – Вы так тараторите, что я сам начинаю путаться. Я поговорил с Изольдой Игоревной. Мы все выяснили. Именно поэтому вы сейчас сидите здесь, а не... – замолкает. Не договаривает. Я с нетерпением смотрю на него.

Но тут к столику подходит официант и по взгляду Амира вижу, что он ждет, когда мы опять останемся одни.

– В общем, я думаю, мы решили этот вопрос, – произносит, наконец. – Вы выполняете свои обязанности. Тамерлан доволен. Скоро вашему сыну проведут операцию и вы сможете жить вместе с ним у меня, пока Тамерлан не подрастет.

Он говорит это спокойным тоном и, слушая его, я вспоминаю, что мне пришлось пережить тогда, там, в темной комнате. Какой страх я испытала.

– Извините, – я встаю. – Но можно я вернусь в дом?

– Нет, – произносит жестко. – Сядьте, – кивает на стул. – Вы, может быть, думаете, что я должен извиниться перед вами? За, якобы, ошибку?

– Нет. Я так не думаю. За это извиняться вы не должны. Наверное, любой на вашем месте поступил бы также. Тамерлан ваш сын и он оказался в опасности. Я вполне могу понять тот ваш поступок. Но...

Поднимаю на него взгляд. Он ждет.

– Вчера вечером... – продолжаю. – Вы не хотите извиниться за то, что произошло вчера вечером? Вы... вы напугали меня. И я, наверное, хотела бы хоть каких-то пояснений от вас...

Амир не сводит с меня взгляда.

– Сядьте, Екатерина, – просит мягко.

Но я продолжаю стоять.

– Вы напоминаете мне одного человека, – сминает салфетку в руках и опускает взгляд. – Мне сложно объяснить. Я не верю в совпадения и поэтому мне сложно поверить, что это все случайность. Тот человек... он был дорог для меня. Впрочем, вам это неинтересно и знать необязательно. Вчера я сделал это, – берет паузу. – Потому что захотел. И не вижу смысла извиняться.

– Но... почему? – удивляюсь я. – Почему?

– Потому что я не сделал ничего плохого. И потому что вам это тоже понравилось.

Опускаю взгляд и мотаю головой. Что за ерунду он несет. Мне понравилось?

– Простите, – говорю холодно и решаю уйти. Но делаю всего пару шагов, как Амир тоже встает и хватает меня за руку, когда я прохожу мимо него. Я поворачиваюсь.

– Катерина, – говорит он, сжимая мою руку и делая шаг ко мне.

А у меня коленки дрожат. Губы пересохли и я безмолвно приоткрываю рот. Амир опять словно гипнотизирует меня. Не дает отвести взгляд. Кладет ладонь мне на скулу и водит большим пальцем по коже.

И я не знаю, что делать. Как вести себя? Надо убежать. Оттолкнуть его и убежать, но словно какая-то сила удерживает меня. Заставляет стоять вот так перед ним и позволять дотрагиваться до меня.

– Наверное, мы неправильно начали наше общение, – голос Амира теперь другой. Он тише и он мягче, что ли. – Давайте попробуем заново?

Его взгляд блуждает по моему лицу, а ладонь ложится на волосы и медленно гладит их.

– Вам не надо меня бояться, – он словно убаюкивает меня. Чувствую, что теряю контроль от его тембра. – Вспомните, сколько раз я спас вас. Я не причиню вам зла.

– Я не понимаю, зачем вам это? – шепчу я и облизываю, наконец, губы.

Взгляд Амира тут же устремляется на них. Он громко вдыхает и зажимается. А, когда открывает глаза, то их блеск опять пугает меня. Но это не самое страшное. Потому что в то же мгновение он наклоняется и вливается в мои губы.

Я замираю, вспоминая нашу встречу ночью у меня в комнате. Что я чувствовала тогда? Ведь ситуация повторяется точь-в-точь. И понимаю, что сейчас я чувствую нечто другое. Но почему от этого еще тревожнее.

А Амир тем временем обнимает меня за талию и еще ближе прижимает к себе. Я пытаюсь отстраниться, но он тут же кладет одну ладонь мне на затылок и лишает возможности двигаться.

Я упираюсь руками в каменную грудь, пытаюсь оттолкнуть Амира. Но его губы властно вливаются в мои, не дают и вдоха сделать. От меня ничего не зависит. Глоток свободы я чувствую лишь тогда, когда он сам немного отпускает меня, но продолжает шептать в губы:

– Катерина, давай забудем все, что было. Наверное, я неправильно вел себя. Но... это сложно объяснить. И понять сложно. Все не так просто, – закрывает глаза. – Ты не представляешь, как я жил все эти дни. Ты все еще боишься? – открывает глаза и смотрит на меня.

– Теперь еще больше, – шепчу правду. – Отпустите меня, пожалуйста. Вы и правда пугаете меня. Я ничего не понимаю. У нас же договор. Амир Каримович, пожалуйста, – чуть не хнычу, но его хватка так и не ослабевает.

– Если я отпущу вас... тебя, то ты опять сбежишь. Спрячешься. Может, хватит прятаться? Мы же взрослые люди. Ты не замужем, у твоего сына нет отца. В чем проблема?

Удивленно смотрю на него. Он ведь шутит сейчас надо мной? Издевается? Но нет, у Амира серьезное выражение лица.

– Пустите меня, – прошу я с мольбой в голосе. – Мне плохо.

У меня и правда начинает кружиться голова.

Глава 11Амир

– Катя, – зову ее, чуть встряхивая тонкий подбородок.

Неужели опять вырубилась? Да что с ней? Откуда в таком молодом теле столько слабости? Беру ее на руки и несу себе в кабинет. Благо этот ресторан тоже мой. Кладу на диван и сажусь рядом на пол. Вглядываюсь в красивое лицо.

С самой нашей первой встречи каждый взгляд на нее – это как испытание. Тогда на кухне, в самый первый раз, я подумал, что привиделось. Или уже галлюцинации от желания увидеть. Подумал, что показалось. Но нет.

При дневном свете она выглядела куда более реально.

Первой мыслью после осознания, что это не сон и не последствия усталости и выпитого накануне, было удалить из своей жизни этот кошмар. Избавиться от него.

Я понимал разумом, что ни к чему хорошему это не приведет. Разумом... Но что-то внутри заставляло снова и снова искать встречи с этой незнакомкой.

Вечером я сидел в гостиной. Перед портретом Татьяны. Смотрел на него и не понимал, как такое возможно.

Одно лицо. Цвет волос другой, но Татьяна красила их.

На этом, пожалуй, сходство заканчивалось.

Катерина не была похожа на Татьяну по характеру. Слишком пугливая, робкая, вздрагивающая от каждого вопроса. Я видел ее страх.

Я привык к тому, что меня боятся. Страх вызывает уважение. И у людей, окружающих меня, были причины для страха. Но у Кати? Мы же только познакомились. Я не сказал и не сделал ничего такого, за что меня стоило бы бояться ей.

Владлен предупредил меня, что девочка очень слаба. Нервная система ни к черту. Что было в ее жизни?

Я понял, что хочу все знать о ней. Но пока информацию мне так и не предоставили. То, что дали в клинике, мало. Сухие данные. Но ведь что-то было еще? Почему она такая?

Татьяна. Моя жена.

Я любил Татьяну. Очень любил. Когда я встретил ее, мне было далеко за тридцать. Я многое повидал и никого не любил. Но тут в мою жизнь ворвалась Татьяна. Мы познакомились случайно, но она сразу запала мне в душу.

Я не собирался долго ухаживать и просто предложил ей выйти за меня замуж. Я давно мечтал о наследнике. Был готов стать отцом. Татьяна была лучшей кандидаткой. Я хотел ребенка от нее.

Но все рухнуло в один момент. Когда врач в клинике на очередном приеме по поводу того, что у нее никак не получается забеременеть, ошарашил нас. Татьяна не могла иметь детей. Были проблемы со здоровьем.

Изменило ли это мое отношение к ней? Нет. Я любил ее. А ребенок... При современном уровне медицины это был лишь вопрос времени.

Изменило ли это мою жену? Да.

Татьяна словно отдалилась от меня. Долгое время просто сидела дома, заперевшись в своей комнате. В эти дни между нами ничего не было. Я думал, ей надо побыть одной. Больше времени проводил на работе. А Татьяна не выходила из дома.

И мы приняли решение воспользоваться услугами суррогатной матери. Хотя Татьяна не проявляла большого интереса к этому. Я занимался всем. Все шло к тому, что скоро мы стали бы родителями. Я был уверен, что это вернет все в прежнее русло. Но я ошибался. Сильно ошибался.

Однажды, придя уже ночью, я обнаружил ее пьяной рядом с камином. В руке была почти пустая бутылка из нашего погреба. Я отнес Татьяну в спальню, а утром у нас состоялся серьезный разговор. Вернее, говорил лишь я. Татьяна молчала, уткнувшись взглядом в стену.

Мне показалось, что мы поняли друг друга.

И я опять ошибся.

Дальше начались самые плохие дни в моей жизни. Я забросил работу и сидел дома с женой. Но это не могло продолжаться вечно.

Стоило мне выйти из дома, к моему возвращению я находил Татьяну в нетрезвом состоянии.

Я запирал ее. Ругал. Угрожал. Не помогало ничего.

В один из дней, вернувшись с работы, я обнаружил, что жены нет дома.

Телефон не отвечал. Никто не знал, где она. Ее машины в гараже тоже не было.

А потом был ад.

Татьяна разбилась, не справившись с управлением. Я неделю не выходил из дома. Не следил за собой. Не отвечал на звонки.

Я жил с мыслью, что моей жены больше нет. И с чувством вины. Это я не уследил за ней. Допустил самую возможность сесть за руль пьяной.

Я никого не хотел видеть.

Пожалуй, к жизни меня вернул звонок из медицинского центра. Они нашли суррогатную мать.

Первым моим желанием было отменить все. Отказаться. Выплатить неустойку и забыть об этом. Я принял решение позвонить в центр утром. Но ночью понял, что, возможно, это шанс. Шанс вернуться к нормальной жизни.

У меня будет ребенок. И он будет знать о своей матери, о Татьяне. Я буду жить ради этого ребенка.

Заботы об операции на какое-то время отвлекли меня от боли, которую я испытывал.

Суррогатная мать не должна была видеть меня. Контакт с ней исключался полностью. Но я знал все о ее состоянии.

Тамерлан появился в срок и абсолютно здоровым. Взяв его на руки, я впервые, наверное, в своей жизни испытал желание заплакать.

Я смотрел на маленького человечка и искал в нем черты Татьяны.

Боль понемногу отступала, отходила на второй план. Я почти вернулся к прежней жизни.

И тут она.

Странная незнакомка, пришедшая кормить моего сына.

– Что со мной? – от мыслей меня отрывает слабый голос.

Катя приподнимается на локтях и оглядывается. Потом ее взгляд падает на меня и она как будто отшатывается от увиденного. Дергается и пытается встать. Но я руками удерживаю ее на диване.

– Катя, все в порядке. Не надо нервничать. Как ты себя чувствуешь? – кладу ладонь на лоб и глаза Кати округляются. Она опять пытается отстраниться. Глупая. Не понимает, что я уже все решил за нее и мои решения не обсуждаются.

– Отпустите меня. Пожалуйста, – жалобно смотрит в глаза. – Я хочу уйти. Совсем. Разорвать договор. Я не смогу дальше...

– Тебе нечего бояться, – отвечаю уверенно и сажусь на диван рядом с ней. Провожу рукой по волосам. И мне кажется или она действительно вздрагивает. – Катя, – рука застывает на ее щеке и большим пальцем я провожу под нижней губой. Мне хочется прикоснуться к самим губам, но боюсь еще больше испугать ее.

– Амир Каримович, что вам надо от меня? – спрашивает она.

– Для начала, чтобы ты называла меня по имени и на «ты», – чуть усмехаюсь. – Это же не сложно, да? Ты ведь уже называла меня по имени, когда говорила обо мне с Софией. Так?

Хмурится. Да, девочка, я почти все знаю о тебе. Почти. Но это пока.

– Зачем вам это?

– Не «вам», а «тебе», – поправляю ее. – И вопрос звучит странно. Мы взрослые люди.

– Вы хотите, чтобы я спала с вами? – я даже теряюсь от такой откровенности.

Что ответить? Да? И это было бы правдой, но я уже продвигу ее реакцию на эту правду. Сказать, что мне нужна от нее дружба? Но она же не дура, чтобы поверить в этот бред.

Поэтому лишь усмехаюсь в ответ и встаю с дивана. Смотрю на Катю сверху вниз.

– Твой вопрос звучит как предложение? – краснеет. – Я же предлагаю узнать друг друга получше, Катя. Только и всего. Да, в своей жизни я привык все планировать, но здесь вижу, что это бесполезно.

– А если я не хочу? – она приподнимается и садится. Смотрит упрямо. – Вы опять будете шантажировать меня моим сыном?

Хм, а я недооценил ее. Дерзкая. Показывает зубки. Но это нравится мне еще больше. Слишком легкие цели меня никогда не привлекали.

Резко наклоняюсь и упираюсь руками в спинку дивана по обе стороны от Кати. Так, что она оказывается в замке моих рук.

– А если попробуем? Ты же не пробовала. Я не знаю, что у тебя было до этого, но, чувствую, что не встречала ты настоящего мужика. Потому и попала в такую ситуацию. Ребенок твой не виноват и ничего плохого я ему не сделаю.

– Даже если я откажусь от вашего предложения?

– А я не предлагаю, Катя. Я ставлю тебя перед фактом. Никакого выбора.

Наклоняю голову набок и становлюсь еще ближе к ней. Близость ее губ манит. Сжимаю пальцами кожаную обшивку дивана, сдерживая себя из последних сил.

– Я уже слышала это в своей жизни, – зло смотрит в глаза. – Я не буду делать то, что вы говорите. Я...

Договорить ей не даю. То ли от злости на ее излишнюю упертость, то ли от потери самообладания от ее близости, обхватываю затылок и впиваюсь в губы.

И все мысли отходят на второй план. Вся злость и неудовлетворение непокорностью.

Я с силой вжимаюсь в ее губы, как будто хочу не доставить себе удовольствие, а причинить ей боль. Чтобы она поняла, что сопротивление бесполезно. Что ее слова ничего не значат. И она ничего не решает.

Катя сжимает зубы и не пускает меня. Ладошками ударяет мне по плечам. Я второй рукой надавливаю ей на скулы, заставляя приоткрыть рот, и сразу же проникаю туда. Она продолжает сопротивляться, выставляя передо мной свой язычок, но ничто не может остановить мой напор.

Потом обхватываю ее руки за запястья и опускаю их.

Чуть отрываюсь от нее и шепчу:

– Ну, тихо, девочка, тихо. Дай мне показать тебе, как это бывает. Хватит.

И опять накрываю ее рот.

Пытаюсь понять. Вспомнить и понять, то ли самое я чувствую, что чувствовал когда-то давно, целуя также жадно Татьяну. Пытаюсь понять и не могу. Это что-то другое. Но это другое мне нравится. Я не хочу отпускать ее.

Катя уже, похоже, расслабляется. Больше не сопротивляется, позволяя мне делать то, что я хочу. А хочу я уложить ее прямо на этом диване и взять. Взять то, что и так будет моим.

Но нет.

Понимаю, что, если сейчас сделаю это так, то не получу того, что хочу. Тело ее получу. Ее сопротивление уже подавлено. Но я хочу большего.

С телом у меня, как раз-таки, нет проблем. Один звонок – приедет и сделает все, что я попрошу.

Но я хочу Катю. Хочу, не подавляя ее, а получая взамен.

Поэтому решаю ослабить пока напор. Отрываюсь от губ. Падаю на диван и сажаю Катю себе на колени. Медленно провожу по спине.

Девчонка словно приходит в себя. Начинает часто моргать, а потом закрывает лицо руками. Я чуть слышно смеюсь.

– Катя, что с тобой?

А она лишь мотает головой.

Тогда я сам убираю ее руки с лица и беру за подбородок.

– Запомни, Катя, – говорю строго, но в то же время мягко. – Я не сделаю ничего без твоего согласия. Хорошо? Я не собираюсь насилловать тебя, – Катя вздрагивает. Неужели, она и правда думала, что я такой? – Но у тебя нет выбора. Ты привыкнешь ко мне. Постепенно, но привыкнешь.

– А что потом? – вдруг спрашивает.

Я хмурюсь. О чем она?

– Что будет потом? Когда вы получите свое? Когда Матвею проведут операцию и Тамерлана не надо будет кормить грудью? Что будет потом?

Черт.

Зачем она задает такие вопросы?

Я и сам не знаю, что будет потом. Скорее всего, я даже уверен в этом, интерес к Кате у меня пропадет, как только я смогу сравнить их. Сейчас я как помешанный. Она не может просто так уйти. Я должен успокоиться, а для этого я должен получить ее себе. А потом...

Деньги решают все проблемы. А они ей нужны. Мы оба, полагаю, быстро забудем этот эпизод из своей жизни.

У меня будет Тамерлан, а постоянная женщина мне не нужна. После Татьяны не нужна.

Да и я Кате не нужен. Отойдет, встретит какого-нибудь мужика.

Но сейчас она нужна мне. Поэтому вслух я говорю совершенно другие вещи:

– Давай, Катя, про «потом» потом и поговорим. Так далеко заглядывать в отношениях я лично не умею. Ты, судя по тому, что у Матвея нет отца, – тоже. Поэтому давай жить настоящим.

Моя рука на ее ноге и я чуть сжимаю пальцы. Я чувствую возбуждение, ощущая ее на своих коленях. Чтобы не спугнуть Катю своими намерениями, которые твердеют с каждой секундой, встаю и ставлю ее перед собой. Беру лицо в ладони и смотрю в глаза. Что в них теперь? Не только страх.

Надо будить в ней женщину. Чтобы забрать ее себе. Пусть и на время. Пусть и не совсем честно. Но разве я когда-нибудь выбирал методы для достижения целей? Нет. Цель оправдывает средства. Особенно если эта цель – мое спокойствие и мое удовольствие.

– С тобой никуда нельзя выходить пока, – усмехаюсь, пальцами чуть надавливая на нежную кожу. – Ты так и норовишь упасть в обморок. Подумают, что я не кормлю тебя или измучил в постели.

Опускает взгляд, смущается. Но пусть привыкает. Начнем со слов.

– Поэтому поехали.

– Куда? – вскидывает испуганный взгляд.

– Домой, – вздыхаю. – Тамерлана покормишь. Пообедаем дома. Да и поужинаем там же, пожалуй. Но учти, – выставляю вперед указательный палец, – потеряешь сознание и там, сразу же отнесу к себе и больше не отпущу.

Приоткрывает рот, чтобы что-то возразить, но я кладу на ее губы большой палец и чуть толкаю его внутрь. Губы такие нежные, мягкие. Что я с ними готов сделать, ей лучше не знать пока. А то точно в обморок опять упадет.

Чтобы и самому не заводится и не чувствовать дискомфорт в штанах, отпускаю Катино лицо, беру ее за руку и веду на выход.

Глава 12Амир

По возвращении домой хочу отвлечься. Катя уходит к Тамерлану. А я, проведив ее взглядом, иду в кабинет. Работа – вот, что вытащило меня из депрессии тогда и она же поможет мне и сейчас.

Однако даже изучение присланных документов не дает мне отвлечься. Несмотря на разговор с Катей, мне все еще не дает покоя ее сходство с Татьяной. Как так получилось? И как так вышло, что именно Катя появилась в моем доме? Я давно не верю в совпадения. Все в этом мире не случайно.

Набираю детектива, которого я нанял, чтобы он собрал информацию о Кате. Но каких-либо существенных новостей так и нет. Все какая-то мелочь. Прошу усилить поиски. Мне нужна информация в ближайшее время. А пока даже решаю сам съездить в семью Кати. Она жила с мамой и братом. Вот с ними и поговорю. Возможно, я смогу найти что-то раньше детектива.

Завтра с утра и съезжу к ним. А сегодня...

Встаю из-за стола и подхожу к окну. Не отрывая глаз, наблюдаю за Катей. Она идет по дорожке, опустив голову. Наверняка, опять копается в себе. Какая-то она сложная. Ведь все так просто. Зачем все усложнять?

Катя останавливается возле садовника и недолго разговаривает с ним. Потом идет в арку. Я часто вижу ее там.

Решительно разворачиваюсь и иду на выход.

Когда я подхожу сзади, Катя не слышит меня. Я кладу руки ей на плечи и она вздрагивает. Оборачивается и пытается встать, но я надавливаю, показывая, что хочу, чтобы она осталась сидеть. Потом обхожу скамейку и сажусь рядом.

– Тебе нравится здесь? – спрашиваю, глядя ей в глаза. Она не выдерживает взгляда и отворачивается.

– Да, мне нравится ваш сад. И цветы...

– Твой, Катя. Твой. Мы же договорились.

Опять быстрый взгляд на меня.

– Ты любишь цветы? – спрашиваю я. – Хотя... все женщины их любят. Какие твои любимые?

– Не знаю, – пожимает плечами. – Мне все нравятся.

– Что тебе дарили в последний раз? Какой букет?

– Мне не дарили цветы, – опускает взгляд.

Хмурюсь. Что же за мужики были рядом, что цветов не дарили?

– Поехали, – беру ее за руку и тяну.

– Куда? Куда Амир Каримович?

Дергаю ее на себя и она врзается в мою грудь. Близость ее тела опять заставляет меня потерять контроль. Рукой обхватываю ее за талию и прижимаю к себе. Второй рукой убираю волосы за ушко, скользя пальцами по шее.

Взгляд у Кати с удивленного становится испуганным.

– Амир. Да, Катя?

– Пустите, пожалуйста, – тихо просит.

– Отпущу, – говорю, впиваясь в нее взглядом. – Если хорошо попросишь.

Смотрит удивленно.

– На «ты» и по имени, – поясняю ей.

Раз сама не хочет, придется так приучать.

– Ну?

– Отпусти... Амир, – говорит так тихо, что я почти не слышу ее.

Ухмыляюсь.

– Громче, Катя. Я не расслышал. Что мне сделать? Или не мне?

– На нас же смотрят, – смущается. – Я не хочу, чтобы пошли слухи, что я...

Это вызывает у меня смех.

– Тебя не должно это волновать, Катя. Они не посмеют. Так ты попросишь меня? Или...

– и я чуть опускаю руку с талии.

– Отпусти, Амир, – уже громче говорит Катя и, как поощрение за первый шаг, я сразу же отпускаю ее. Хотя мне и не хочется этого делать.

– Я обещал не вывозить тебя никуда, но в это место ты должна обязательно попасть, – опять беру ее за руку и тяну к машине. Водитель тут же открывает нам двери и мы садимся назад.

Катя сразу же отсаживается от меня на максимально возможное расстояние. Что вызывает лишь усмешку. Но я даю ей возможность сидеть так.

Мы приезжаем к моей оранжерее. Эта часть бизнеса была куплена мной для Татьяны и после ее смерти я всерьез задумался о ее продаже. Но все руки не доходили. Потому что каждый раз я вспоминал о бывшей жене.

Огромное стеклянное здание сразу же привлекает внимание Кати. Она сама подходит к стеклянным стенам и стоит как завороченная. Да, сейчас время тюльпанов и целая плантация пестрит яркими оттенками.

– Как красиво, – выдыхает Катя. – Это садовый магазин? Или магазин цветов?

– Это, Катя, оранжерея, плантация цветочная. Пойдем внутрь?

Кивает.

Я вижу блеск в ее глазах. Наверное, впервые за все время. Я угадал. Этот визит вызвал в ней бурю положительных эмоций.

– Боже, как же красиво! – восхищается Катя.

– Какие тебе нравятся? – обнимаю ее за плечо. – Выбирай любые.

– Не надо покупать мне цветы, – хмурится и уворачивается из моих объятий. – Мне достаточно просто посмотреть.

– Я и не собираюсь их тебе покупать, – ухмыляюсь я. – Просто выбери, что хочешь. Консультанты оформят. Это моя оранжерея, Катя.

– Ваша?

Грозно смотрю на нее.

– Твоя? – поправляется она и блеск исчезает из глаз.

– Какие тебе понравились? – я опять делаю к ней шаг и приобнимаю.

– Все. Все понравились. Но не надо срезать. Пусть растут.

– Смешная. Они же для этого и выращиваются здесь. Их все равно срежут. Ладно, я сам. Оставляю Катю и иду к консультанту. Пара слов и он сразу же понимает, что я от него жду.

Возвращаюсь к Кате.

– Может, пить хочешь? – спрашиваю ее.

Мотает головой.

Беру ее за плечи и смотрю в глаза.

– Кать, расслабься уже. Не надо меня бояться. Мы же просто общаемся.

– Простите... прости. Мне сложно перестроиться. Я все время думаю о том, к чему это все приведет.

Ну, хотя бы спасибо за откровенность. Она раскрывается передо мной. Уже плюс. Ей просто надо помочь расслабиться.

– Ваш букет, – голос консультанта за спиной. Оборачиваюсь, беру букет и отдаю Кате.

– Господи, какая красота! – ее восхищение заставляет что-то сжаться в груди.

Потом мы гуляем по аллеям с цветами. И это так непривычно для меня. Не помню, когда я в последний раз так бессмысленно проводил время. Но мне нравится. Катя понемногу расслабляется. Уже не убирает мои руки с себя. Привыкает. А мне нравится касаться ее. Уже давно прикосновение к женщине так не волновало меня.

Домой мы возвращаемся к ужину. Катя уходит кормить Тамерлана, а, когда спускается вниз, ее приглашают ко мне в кабинет. Я попросил накрыть там нам стол.

За ужином она ест плохо. И видно, что опять волнуется. Постоянно убирает волосы за ухо и не смотрит на меня. Я же, наоборот, не свожу с нее взгляда. Понимаю, что еще немного и я сорвусь. Какое-то странное ощущение. Хотя я всегда мог контролировать себя.

Встаю и иду к ней. Стоя за спиной, кладу ей на плечи ладони.

– Мне кажется, мы провели сегодня замечательный день, – говорю мягко, пальцами скользя по тонкой шее. – Как ты себя чувствуешь?

– Уже лучше, – она отвечает очень тихо и я кончиками пальцев ощущаю, как она напряжена. Нифига не лучше.

– Давай отметим это событие? – отпускаю Катю и беру бокалы со стола.

– Какое? – поднимает взгляд на меня.

– То, что тебе лучше, – улыбаюсь. – Теперь осталось, чтобы и мне стало лучше.

Подаю ей один из бокалов.

– Но мне нельзя, – мотает головой.

– От одного бокала ничего не будет, – настаиваю с улыбкой. – Не отказывай мне хотя бы в этом. Попробуй. Это из Франции.

Но она упорно не берет бокал. Я начинаю злиться.

Беру ее за предплечье и тяну вверх. Смотрю прямо в глаза.

– Что с тобой, Катя? – спрашиваю, не отрывая взгляда. – Ничего страшного не произойдет, если ты сделаешь то, о чем я прошу. Не порть этот день.

– Я не хочу, – хмурится и дергает плечом.

– Ты хочешь, чтобы каждый из нас делал только то, что он хочет? – я тоже сдвигаю брови.

– Думаешь, тебе это понравится?

Я не знаю, к чему бы привел этот наш разговор. Я на грани. Понимаю, что, возможно, поступаю неправильно, но ничего не могу с собой поделать.

Но тут раздается стук. Отпускаю Катю и иду к двери. Там София. Стоит, мнетя.

– Амир Каримович, можно Катерину Валерьевну? Там Тамерлан расплакался. Никак не могу успокоить. Ничто не помогает.

– За что я плачу вам деньги?! – рычу грозно. – Вы не можете справиться с младенцем?!

У Софии начинают дрожать губы. Я чувствую ее страх. Собираюсь рассчитать ее, но тут за спиной раздается Катин голосок.

– Все в порядке, Амир Каримович. София, пойдем. Что случилось? Расскажи мне, – берет Софию за руку и они уходят.

Я остаюсь один.

От злости хлопаю дверь и возвращаюсь к столу. Один допиваю все содержимое бутылки и иду к бару.

Плюхаюсь в кресло и пытаюсь успокоиться. Незаметно проваливаюсь в дрему.

Очухиваюсь, когда за окнами уже темно. Ночь.

Я встаю. Тело затекло и в голове туман.

Выхожу из кабинета. Дома тихо. Похоже, все спят. Не раздумывая, поднимаюсь по лестнице и подхожу к Катиной комнате. В голове ни одной мысли. Я просто делаю то, что хочу сделать.

Осторожно нажимаю на ручку и приоткрываю дверь.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.